

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ЧЁРНАЯ СОВА

Сергей Алексеев

Чёрная сова

«Алексеев Сергей»

2016

Алексеев С. Т.

Чёрная сова / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2016

«Сначала Терехов придумал самый простой и показавшийся надежным, ход: он запасся натуральной медицинской справкой, что является сопровождающим лицом, то есть, поводырем и везет слепую женщину после операции домой. Таким документом почти все объяснялось, в том числе, не нужные бинты под маской на лице и сама кожаная маска, напоминающая восточную паранджу...»

Содержание

1	5
2	10
3	19
4	30
5	35
6	42
7	50
8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Алексеев

Чёрная сова

1

Сначала Терехов придумал самый простой и показавшийся надежным, ход: он запасся натуральной медицинской справкой, что является сопровождающим лицом, то есть, поводом и везет слепую женщину после операции домой. Таким документом почти все объяснялось, в том числе, не нужные бинты под маской на лице и сама кожаная маска, напоминающая восточную паранджу. И должно было вызвать сочувствие у всех, от кассирши, продающей билеты на самолет до стюардессы на борту. Справку выписывал крестник, Рыбин-младший, недавно получивший именную печать доктора, однако же он первым и усомнился, что такой документ подойдет на все случаи жизни. Отпрыск старого друга, Рыбина-старшего, мыслит уже новыми, современными категориями во взаимоотношениях людей и взглянув на просроченный паспорт Алефтины, посоветовал его заменить.

– А она по жизни такая же красивая? – спросил, вглядываясь в фотографию.

– Такая же. – уверенно заявил Терехов. – И ничуть не изменилась.

– Ну ты даешь, дядя Андрей. – одобрил крестник. – Одно плохо, на чеченку похожа.

– Она украинка, читай фамилию!

– А подумают, тип кавказской женщины. Да еще в хиджабе! То есть, в маске. Соображаешь?... И паспорт скончался еще семь лет назад.

Терехов оценил владение современной логикой молодого доктора и лишь спросил о родителях. Тот давно жил от них отдельно, поэтому лишь пожал плечами.

– Наверное, еще оба в экспедиции. Что-то не звонят, забыли про своего ребенка. Представляешь, крестный, они до сих пор любят друг друга...

Человек, готовый решить вопрос с новым паспортом, нашелся легко и сразу потребовал аванс. Он представился бывшим работником миграционной службы, стремился блеснуть знанием предмета и проницательностью, но словно глину, выдавливал из себя брезгливую искушенность и желчность, чем сначала не понравился Терехову. Этот пенсионер сразу же решил, что за владелицей просроченного документа тянется некий криминал, заподозрил, будто она скрывается от крупного банковского займа, и Андрей доверительно это подтвердил, чтоб не вдаваться в подробности. Паспортист лишь язвительно ухмыльнулся, вгляделся в фотографию и тоже заметил некие явные кавказские следы в чертах лица, в том числе, и в имени – Алефтина. Это уже был намек на вещи, более тяжкие, чем невозвращенный кредит, и Терехов заверил, что она – украинка, чему соответствует фамилия. Говорить он мог только полупшепотом, все еще болело горло, поэтому опасался быть не понятым. Пенсионер услышал все и в ответ лишь воззрился на него взглядом размытым, как оплывшие, нечеткие печати. И для гарантированной чистоты операции вдруг потребовал реальное свидетельство о браке. То есть, предложил жениться на ней, чтобы поменять фамилию, из чего вытекала законная причина смены паспорта. Кроме того, посоветовал немаловажную деталь: если в имени ф поменять на в, допустить будто бы легкую и частую ошибку в написании, то получится совершенно другое имя. Не то, что без проблем продадут билет на самолет в авиакассе, даже Интерпол не придерется. Но в любом случае старый паспорт со штампом регистрации брака придется передать ему, под скорое и гарантированное уничтожение. Кто-то должен снять с него копию, которая потом канет в архивах навечно, мол, таковы правила. Терехов не пожалел, что связался с профессионалом, стал его благодарить, но тот невозмутимо накинул сумму гонорара, потребовал сегодня же к вечеру принести фотографии невесты и отправил в путешествие по ЗАГСам Новосибир-

ска, искать кто теперь в срочном порядке окрутит молодоженов. По его данным, сделать это было совсем не трудно из-за продажности чиновников, к которой паспортист относился презрительно.

И вот уже пять часов Терехов мотался по городу, объезжая друзей и хороших знакомых с надеждой найти связи, чтобы зарегистрировать брак. Несколько лет назад Андрей разводился, причем, сделал это тоже через знакомых, стремительно, в один день, хотя процесс был официальным, в суде, поскольку от первого брака у него было двое сыновей. Надо сказать, все прошло так быстро и гладко, что даже сам не поверил, рассчитывая на долгую тяжбу. Но лишних вопросов не задавали, не стыдили, не совестили, хотя бывшая жена противилась разводу, и не давали сроков на примирение. Развели, оставив детей на попечение матери, потом проставили штампы и выдали соответствующий документ.

А жениться во второй раз, тем паче, так же спонтанно, да еще без присутствия невесты, оказалось невероятно сложно: барьером становился ее паспорт, который следовало обменять еще в двадцатилетнем возрасте. Она же, оторванная от жизни, скорее всего, даже не подозревала, что давно живет по не действительному документу, однако отлично знала, что ее по тяжелой уголовной статье разыскивает милиция. Сунься в паспортный стол, сразу арестуют, и не посмотрят, что у документа вышел срок и он не удостоверяет личность. Поэтому Терехов показывал в ЗАГСах ее паспорт с опаской, и пытался сначала уговорить, потом подкупить работников, чтобы шлепнули штамп о регистрации и выдали свидетельство. Невеста же, когда-то принявшая обет безбрачия, при этом сидела взаперти у него в квартире и не ведала, что на ней хотят жениться. Впрочем, ее это мало интересовало: она металась в каменных стенах, как дикая кошка и даже ночью не снимала сшитой своими руками, кожаной паранджи. Ей было плохо в городе даже ночью, мешал шум, бесил свет уличных фонарей, бьющий в окна, и это подстегивало Терехова, но штурмовать в лоб крепости ЗАГСов оказалось бесполезно. Чопорные дамы, регистрирующие браки, от взяток не отказывались, но почему-то боялись устаревшего паспорта и просили его обменять, даже услуги предлагали – позвонить куда нужно, мол, сделают новый за полчаса и не очень дорого. Терехов обещал посоветоваться с невестой и тихо исчезал, опасаясь таких случайных контактов с милицией. Все отчетливей вырисовывался замкнутый круг: чтоб получить чистый документ на другую фамилию, требовалось свидетельство о браке, которое не выдавали из-за просроченного паспорта, опять намекая на борьбу с терроризмом. В начале двухтысячных мир в России стоял кверху тормашками, как изображение в окуляре теодолита. Новое тысячелетие начиналось с войн, распрей и терактов, в Москве жилые дома подрывали, в метро ходили смертницы в хиджабах, ошалелые люди жили с чувством, будто попали в другую реальность. Математик Сева Кружилин увлекался нумерологией и на основе своих расчетов доказывал, что после разбойных, разрушительных девяностых наступили "нулевые" годы и все хлопоты, чаяния и потуги будут в нуль. Надо пережить это стерильное время, бесплодный период, пока остывает излившаяся каменная лава, дожждаться, когда нарастет хотя бы тоненький почвенный слой.

Терехов вспоминал это предсказание, пока бесполезно колесил по городу, объезжая знакомых. Наконец, к обеду все же отыскал правильного приятеля, который навел его на нужный районный ЗАГС, где заведующим работал его свояк, способный по доброте душевной – даже не за деньги! – исполнить страстное желание жениться. Андрей немедленно отправился по указанному адресу, но попал в перерыв, а потом и вовсе оказалось, что щедрый вершитель браков отправился в монастырь святого мученика Евгения и будет там до самого вечера, поскольку является то ли советником, то ли монастырским попечителем. А когда переступает ворота обители, то напрочь отключает все средства связи, дабы заниматься богоугодными делами. Терехов отчаялся, что опять пролетел, но плюнул на Севины расчеты и поехал наобум, без звонка, в надежде договориться о деловой встрече хотя бы на завтра. Монастырь располагался на При-

морской улице, в районе Чемского кладбища, где покоились родители Терехова, поэтому он район хорошо знал.

Бракодел и в самом деле заседал где-то с монахами, и Андрей, поджидая его, сходил на кладбище, погулял вдоль рукотворного мутного моря, прежде чем его дождался. Попечитель молча выслушал просьбу, но еще не дав согласия и слова не сказав, одним своим видом обозначил, что готов выполнить незамысловатую волю просителя. Показалось, имя приятеля, свояком коего являлся бракодел, сработало безотказно, достал визитку и вложил в руку.

– Переведете на этот счет тридцать тысяч. – заявил он, на миг разрушив образ бессребренника, но тут же поправился. – Это пожертвование на строительство монастыря.

– Добро. – облегченно произнес Терехов, в уме посчитав, что в смету пока укладывается. Бракодел подал ему еще одну визитку.

– А это на счет храма, за венчание. Вы же поведете невесту под венец?

Подобное Андрею и в голову не приходило, поэтому он глянул на означенную сумму еще в пятьдесят тысяч, посчитал свои быстро тающие капиталы и пожал плечами.

– Не знаю... Мы об этом не подумали.

– Вы крещенный? Православный?

Спросил это так, будто собирался выставить еще один счет – за крещение, поэтому Терехов чуть поспешил:

– Ну, разумеется!

– А невеста?

Он ничего не знал о вероисповедании невесты, только догадывался, однако утвердительно кивнул.

– Венчание – обязательное условие. – заметил вершитель браков. – Сегодня вечером вас распишут и выдадут документ без присутствия невесты. А дня через три милости прошу под венец, в монастырский храм. Сами понимаете, перед Богом придется предстать в паре со своей избранницей.

Ход был хитрым, продуманным, никто особенно не страдал от лицемерия чиновника, и сам он оставался чист перед совестью, Богом и службой но подобный расклад Терехова вполне устраивал: главное было сегодня иметь в руках натуральное свидетельство о браке, дабы вручить его паспортисту. Уже завтра вечером он рассчитывал отправиться в свадебное путешествие – купить авиабилеты на ночной рейс в Норильск. Поезда туда не ходили, говорят, теплоходы плавали от Красноярска до Дудинки, да и то нерегулярно, тем более, осенью, а добраться на легковой машине вообще не реально. Оставался единственный транспорт – самолет, однако демократия в России началась с тотального контроля за передвижением своих граждан, и теперь паспорт требовался даже для проезда в междугороднем автобусе.

Терехов согласно покивал и ушел бы сразу с монастырского подворья, но бракодел отослал в храм, чтобы сделать заявку на венчание, определить его точное время и сразу же оплатить прочие услуги, то бишь, фотографирование, заказ молебна во здравие и отдельно – спосбствие деторождению.

Он не собирался заводить детей в новом, случайном и фиктивном браке, не смел и думать, чтобы прикоснуться к телу невесты, поэтому прежде всего отчего-то всерьез подумал о фотографировании, но не на обряде венчания – на паспорт. Дело в том, что Алефтина фотоаппаратов, и особенно вспышек терпеть не могла, и, пожалуй, тяжелее было уговорить ее сняться, нежели чем оформить брачные отношения. Он вдруг с ужасом вспомнил о ее капризах только сейчас, и сразу же отяготился этой мыслью: снимки на паспорт надо уже сегодня вечером! Фотосалон был неподалеку от дома Терехова, сходить и сняться – минутное дело, но невеста днем вообще не выходила из квартиры, попросив закрыть окна чем-нибудь светонепроницаемым. И не понятно, чего она больше опасалась: яркого света или случайно брошенного чужого взгляда, поскольку Терехов жил на первом этаже и окна выходили на людную часть улицы.

Кроме старого палаточного брезента Андрей ничего не нашел, поэтому как смог, завесил окна и теперь они сидели в зеленоватом полумраке, не включая света.

По дороге к храму пришла единственная трезвая и утешительная мысль – заказать фотографа на дом: такая услуга наверняка была, но как снимать без вспышки, в полутемном пространстве квартиры, он представления не имел. Строптивая невеста, не снимающая паранджи, может отказаться наотрез, и как было ей объяснить, что все затеянное, в том числе и женитьба, вызвано острой необходимостью дела пустяшного – купить билет на самолет и благополучно взлететь с аэродрома.

В монастырской церкви было гулко и почти пусто: за стойкой, где продавали свечи и иконы, сидела старушка с молодым иноком, что-то пересчитывали, глядя в монитор ноутбука, при этом шелестя костяшками старомодных счетов. А еще двое рабочих в серых халатах разбирали металлические леса возле стены с восстановленными и яркими фресками страшного суда. Терехов стал сбивчиво объяснять, что у него назначено венчание, и старушка сообразительно достала с полки пухлую амбарную тетрадь. В это время рабочий на лесах выронил трубу на каменный пол, заставив вздрогнуть всех присутствующих.

– Ну что же ты, Егорий? – с назидательным укором произнес инок за стойкой. – Вот растяпа!...

А по лицу было видно – выругаться хотел. Терехов машинально глянул в сторону рабочих, поймал взгляд этого растяпы и встрепенулся, но не от гулкого звука. Не хватило мгновения, чтобы рассмотреть его лицо – под сводами храма было сумрачно, да и рабочий уже отвернулся, вынимая из гнезда очередную трубчатую стойку.

– Фотографирование обязательно. – деловитым тоном отвлекла его старушка. – Фотограф наш, и молебен за здоровье...

Андрей согласно покивал, выдержал паузу, но спросил как-то невнятно, невпопад и полупшепотом:

– Это у вас... откуда рабочие?

– Это не рабочие – послушники. – мимоходом отозвался монах. – Ваше венчание на двенадцать тридцать. Прошу не опаздывать...

Терехов имел смутное представление о монастырской иерархии, ничего не понял и поэтому переспросил:

– То есть, монах?

– До монашества ему еще далеко, – заключила старушка, глядя с сожалением. – Предупредите гостей, женщины должны быть с покрытой головой и в юбках ниже колена.

– Послушание, это как курс молодого солдата. – с удовольствием объяснил инок. – Учебка, карантин.

И тем самым подтвердил, что Терехов не ошибся, человек на лесах имел отношение к армии. Он наконец-то оторвал взгляд от картины страшного суда, услышал только последние слова, однако утвердительно кивнул. А сам подумал, что и имя у послушника подходит: Егорий это ведь тот же Георгий! В добавок ко всему, когда платил деньги и расписывался в какой-то ведомости, почувствовал на себе взгляд этого растяпы, и ощутил, как между ними пробросилась некая связующая нить, по которой побежал ток. И даже не оборачиваясь, вдруг неоспоримо и убежденно подумал, вернее, угадал – на лесах стоит Жора Репей! Невероятно, невозможно, невообразимо, но это он! Потому и трубу выронил, что внезапно увидел Терехова.

Андрей не собирался ни жениться по настоящему, ни тем паче, венчаться, но сейчас, до внезапного головокружения и подступающей тошноты, ощутил предательскую слабость от одной только мысли, что этот человек и впрямь по воле рока, по злему стечению обстоятельств преследует в самые ответственные моменты. Иначе никак не объяснить его появление в храме, куда будто бы случайно занесла судьба! Мысль, что послушник на лесах, совсем другой человек, что Терехов ошибся, обозначился, стучалась в затылок, но была искусственной, придуман-

ной, и не желала становиться реальностью. Можно было расплатиться за услуги и уйти без оглядки, возвращая ее тем, что Жора ему почудился, пригрезился, поблазнился, но Андрей уже чуял арканную крепость сброшенной нити между ними и не мог, да и не хотел рвать этой связки, предугадывая бесполезность и жалкость таких попыток.

Через минуту, когда он справил все формальности со старушкой и иноком, послушника на лесах уже не было, а его напарник уходил в двери, сгибаясь под тяжестью пачки труб на плече. Терехов осмотрелся и вышел из храма с чувством, будто его ведут на поводке. Солнечное бабье лето слегка вывело его из плена мистических ощущений, а нищий на паперти вроде бы и вовсе приземлил, попросив денег или выпить. Андрей бросил ему мелочь, перевел дух и услышал голос Жоры откуда-то сзади:

– Здорово, Шаляпин.

Если бы не характерный, дребезжащий тембр, и не обращение по прозвищу, сразу признать Репья оказалось бы не возможно. Длиннополый, серый балахон скрывал многолетнюю военную выправку, делая его бесформенным и пришибленным, вместо горделивой зеленой фуражки на голове лежал такой же серый комковатый блин, натянутый до бровей, а смиренно потупленный, некогда пронзительный волчий взор, за который его любили солдаты и женщины, рыскал по пыльным ботинкам Терехова.

В этот миг Андрей подумал не о Жоре, а о всеильном шамане Мешкове, который предрек, спрогнозировал, а может и колдовством своим как-то устроил судьбу бывшего начальника заставы.

И она, судьба, превратилась в реальность...

2

Днем турист еще находился в сознании, храбрился и даже порывался идти бездорожьем, через границу, но к вечеру впал в полусонное, бредовое состояние, звал какую-то Ланду, просил не сдавать его в комендатуру и ухал, как филин.

Сначала показалось, он придуривается: никаких видимых следов болезни, жара, простуды или ушибов не было, разве что взгляд нездоровый, мутно-блистающий, но это скорее от крайней усталости и голода. Тащить его на себе хотя бы к дороге, по которой иногда проезжают наряды, нечего было и думать. Искатель приключений весил килограммов девяносто, а учитывая, что вместе с потерей рассудка он обмяк и расплылся по всему пространству узкой палатки, то и вынимать его оттуда не имело смысла. Надо было искать какой-нибудь транспорт, грузить и вывозить на заставу, которую турист боялся, как огня, поскольку считал, что там непременно ограбят.

Терехов нашел его не далеко от старой монгольской границы, хотя он никак не походил на нарушителя или перебежчика. Типичный, замороженный изотерикой, "рерихнутый" искатель всего чудесного: такой тип молодых людей пришел на смену неисправимым комсомольским романтикам прошлого века. Были еще парапсихологи, НЛОшники, экстрасенсы, сектанты – кришнаиты и любители экстремального отдыха, которым чем страшней, тем интересней. Только эти уже не строили новых городов в заполярье и магистралей, а начитавшись фантастики, бродили в поисках острых ощущений, сакральных мест силы, порталов, откуда можно запросто стартовать хоть в параллельный мир, хоть на обратную сторону луны.

За полтора месяца работы на Укоке, Андрей Терехов насмотрелся на тоскующих куцубородых странников, бритых и бородатых адреналинщиков, которые облюбовали плато, как полигон своих вожделенных исканий и фантазий. А причиной стали раскопки кургана, где в начале девяностых годов новосибирские археологи обнаружили татуированную мумию "шаманки", ставшей теперь "принцессой" и почти божеством. Скифские захоронения тут и раньше раскапывали, однако находили чаще истлевший прах, кости, а гробница этой оказалась заполнена льдом, поэтому бальзамированное тело сохранилось, что стало причиной почти религиозного ажиотажа и поклонения.

Найденный полубезумный турист искал здесь "места силы", какие-то порталы и к своему счастью, находил их повсюду, правда, сам при этом обессилел, оголодал и едва передвигал ноги. Можно сказать, парню крупно повезло, Андрей наткнулся на него случайно: обряженный в песочный НАТОвский камуфляж, он лежал в пожелтевшей, но белой от инея, траве, подтянув колени к подбородку – летние заморозки на высокогорном плато были в привычку. И удивительно, как он пережил ночь под ветром на ледяной земле. Никаких вещей и документов с ним не было, толком объяснить, откуда он тут взялся, так и не сумел – то ли отстал от группы и заплутал, то ли его умышленно бросили. Ясно одно: всему виной была женщина с редким именем Ланда, из-за которой возникла то ли ссора с соперником, то ли с самой возлюбленной. И это обстоятельство напомнило Терехову историю, приключившуюся с напарником, Севой Кружилиным: тот бредил очень похоже, да и состоянием почти не отличался.

Пока турист был в памяти и уплетал тушенку с галетами, рассказывал восторженно и даже пытался учить, как надо извлекать энергию из земли, входить в контакт с духами Алтая и лечить людей от всех болезней. В прошлом он был сподвижником некоего шамана, однако из-за разногласий в отношении к женщинам ушел от него, и теперь будто бы создает свою школу. Ему и в голову не приходило, что бродит он по самому обыкновенному кладбищу, только древнему, и под каждым курганом, где положено сидеть в позе лотоса и напиваться силой, лежат человеческие останки. Некоторые могилы были многослойными, с захоронениями разных периодов и не раз уже пограбленные в раннем средневековье, когда мародерство

и вандализм на чужих могилах тоже считались чем-то вроде романтического увлечения. Это Терехову рассказывали ученые академики, когда отправляли геодезистов на плато. А часть курганов оказалась и вовсе снесена бульдозерами – это уже была романтика освоения новых месторождений и строительства рудников.

– Вам немедленно надо поставить атлант на место! – вдруг заявил турист, присмотревшись к Терехову. – Как вы держите шею?

Андрей понял, что опять начинается бред, поэтому спросил благосклонно:

– Это как же я держу шею?

– Как свинья! Вы же неба не видите!

– А должен как?

– Как гусь! Вы же наблюдали, как эти птицы держат шею?

Пускаться в дискуссии с ненормальным туристом Терехов не собирался, поэтому постарался занять его жующий рот новой порцией тушенки. Однако после третьей банки, можно сказать, ископаемого мяса из армейских мобзапасов, туристу сделалось дурно и он отстал от шеи. Его в очередной раз замутило, но не от того, что древняя тушенка оказалась некачественной; просто турист вдруг вспомнил, что вегетарианец со стажем А тут поддался искушению, обнаружил, что уплетает мясо, то есть, осквернил свою травоядную плоть и теперь непременно последует наказание. И даже изобразил рвотный позыв, однако сытый желудок не поддался на провокацию, турист размяк, заполз в палатку и начал бредить. Вероятно, ему чудилось, что по Укоку всюду бродят рогатые кони, и он пытался их поймать. Услышав это, Андрей впервые заподозрил, что у туриста начинается белая горячка, проявление которой приходилось наблюдать воочию, поскольку в топографическом изыскательском отряде рабочий народ трудился вахтовым методом. Месяц в полевых условиях на "сухом законе", а потом месяц беспробудной пьянки – к следующей вахте алкоголики выходили из штопора, тут и начинались приступы.

Рабочий день был потерян, а их оставалось не так много, тем паче, Терехов делал съемку один: напарник Сева Кружилин заболел и был переправлен сначала в Кош-Агач, потом в Горный и уже оттуда – в Новосибирск. Никак не могли найти настоящую причину недуга, полного расстройства вестибулярного аппарата, ломоты костей и сильнейших головных болей. У туриста тоже было нечто подобное, но Сева не пил, после плавания в Индийском океане отличался крепким психическим здоровьем, а у этого крыша явно съехала. До морозов и снега управиться с работой в одиночку и так не хватало времени, каждый день поливали дожди, а тут выдался первый за последнюю неделю, ведренный, теплый, с солнцем, однако был испорчен появлением туриста. Академия же требовала закончить работу к сентябрю: плато Укок объявили "зоной покоя", и теперь готовилась очередная перерегистрация археологического и природного памятника в ЮНЕСКО. И опять всему виной была женщина – злосчастная мумия "шаманки", которую Терехов уже тихо ненавидел.

К археологии он отношение имел опосредованное, впрочем, как и к самой науке, на плато занимался картографической привязкой исторических и природных объектов, которые давно были привязаны и требовались лишь уточнения. Означенные на топоосновах, курганы с мест своих не сошли, реки сдержанно изменяли своим руслам, озера тоже отличались колеблющимся, но почти постоянным урезом воды, однако Академии отвалили денег из парижской штаб-квартиры международной организации, и ученые их тратили, изображая строгое исполнение предписаний. На самом деле прикрывали беспощадное воровство: опытному в делах счета и математики Севе Кружилину удалось заглянуть в смету, где он обнаружил два приданных от ЮНЕСКО, внедорожника высокой проходимости, зарплату водителей, двух рабочих, перечень современных лазерных инструментов и даже аренду вертолета на девять летных часов. А в экспедицию поехали вдвоем с Севой на арендованном грузовике, который забросил геодезистов на плато и безвозвратно исчез. Современные инструменты и приборы Академия тоже арендовать в Газпроме не захотела, предоставила свои, ископаемые, еще советские

оптические теодолиты и нивелиры, когда они с Севой давно привыкли работать со швейцарской цифровой техникой. Продуктов выдали – не хватило на месяц, про радиостанцию вообще велели забыть, мол, погранзона, чистый эфир. По этой же причине лишили штатного оружия для самообороны и охраны секретных документов, дескать, там безопасно, на каждой горке пограничные наряды с автоматами.

Руководство Академии и родное газпромское начальство торопило, клятвенно заявляло, что это все временно, из-за срочных требований самого ЮНЕСКО, посулило пригнать джипы с топливом, рабочих и новые, продвинутые инструменты. Мол, со дня на день начнутся изыскания под газотрассу через плато к китайской границе и всю технику завезут централизованно. Фирма Терехова была подрядной организацией, поэтому высокие и мелкие начальники хлопали по плечу, просили потерпеть, взывали к совести и подчеркивали международный, мировой уровень исполнения подряда. Дескать, не ударьте мордой в грязь, а на Академию мы надавим, будет вам финансирование, жилые вагончики и все прочие блага цивилизации. Интеллигентный и от того язвительный Сева так определил расклад: газпромские местечковые боссы вошли в долю с наукой и вместе дербанили сметные расходы...

Вместо джипов и рабочих, скотовозка из Новосибирска привезла двух коней с седлами и мешок овса. Специально посланный инструктор с ипподрома поучил, как содержать, как путать, чтоб не удрали, и особо подчеркнул, что лошади породистые, дорогие и возврат их обязателен. Иначе не с Академии, а с материально ответственных лиц слупят такие деньги, как за две иномарки. Терехов был настолько очарован глупостью и несуразностью руководства, что в первый момент не знал, что и ответить. Коней очень просто можно было арендовать в любой алтайской деревне, на погранзаставе на худой случай! Зачем тащить в такую даль породистых скакунов, да еще и трястись за их безопасность и здоровье? Обычно рачительный, но молчаливый Сева и вовсе потерял дар речи, не надоумил, а то бы сразу отказались. Спыхватились, когда скотовозка ушла и делать было нечего, утешились тем, что могли теперь с гордостью именоваться всадниками. Напарник сразу же определил: с конями Академия тоже проводит какую-то аферу, поскольку на его дилетантский взгляд, они хоть и красивые, но самые обыкновенные. Таких на Алтае навалом.

Передвигаться верхом, в общем-то было бы неплохо, даже здорово, благо, что Терехову это нравилось еще с тех времен, когда он служил срочную на границе. Проблемы возникли у напарника, ибо опыта верховой езды не было и в первый же день его сильно потрясло на гнедом жеребце, которого он выбрал сам, ибо презрительно относился к женскому полу вообще и ездить на кобыле не пожелал. Сева и так был нудноватым, ворчливым, но Андрей давно к этому привык и все ему прощал, поскольку работать с ним в паре было одно удовольствие. Напарник слыл прирожденным математиком, а в картографии и геодезии это качество ценилось, выше, чем длинные ноги и острое зрение. Скакать галопом или рысью он вообще не мог, ездил шагом и потому все время отставал и даже терялся. От верховой езды у него сначала заболела спина, задница, колени, потом голова и даже язык, точнее, нижняя его часть.

– Состояние, как с тяжелого похмелья. – однажды пожаловался он. – Надеюсь, ты меня понимаешь...

– Никогда не болею с похмелья. – признался Терехов. – Не имею представления, что такое.

– А я раньше выпивал. – признался напарник. – Это еще до Индии. И как меня потом карало! Мутит, голова трещит, ноги подгибаются... И болит язык!

В Газпроме на вахтах был капиталистический сухой закон, поэтому они с Севой ни разу не выпивали. Если только так, в лечебных целях. И друзьями они не были, хотя несколько лет работали в паре. У Терехова вообще был единственный настоящий друг, Мишка Рыбин, с которым они, бывало, годами не виделись, но будто бы жили все время рядом. Скрепляла какая-то незримая нить братских чувств, по которой все время бежал ток. Ни с кем больше

таких живых проводов не возникало, хотя приятельских связей по стране было множество, причиной чему становились вахты, сводившие самых разных людей.

Напарник делил свою жизнь на две половины – до случайного путешествия на подводной лодке в Индийский океан, и после него. И это в самом деле были два разных человека, и вот теперь, вспоминая свое прошлое состояние, современный Сева чуть не расплакался:

– Но сейчас-то от чего? Может, высокогорье? Недостаток кислорода? Или все-таки верховая езда?

У Терехова было подозрение, что напарник становится скрытным, чего-то не договаривает, и скоро это чувство нашло подтверждение. К стану геодезистов однажды подкатил навороченный джип высокой проходимости, из которого вышла одетая не по походному, в шикарную длиннополую юбку и тончайшую кофточку, дама лет тридцати. Барышня, словно соскочившая с картины девятнадцатого века, и голос у нее был такой же томный, очаровательный: спросила дорогу к мосту. Терехов подробно объяснил, как проехать, а сам непроизвольно залюбовался женщиной, с суровой мужской тоской подумав, ведь кому-то принадлежит такое чудо! По повадкам видно, она замужем и счастлива. А дама заметила удрученное состояние Севы, вдруг подошла к нему, приложила свою нежную ручку ко лбу и сказала определенно:

– Вы же больны! У вас температура и совершенно расстроена координация движений. Что-то с вестибулярным аппаратом. Подъязыковая область болит?

– Я совершенно здоров! – отчего-то набычился напарник. – И чувствую себя хорошо.

Барышня бесцеремонно отвернула у него веко, заглянула в глаза.

– Не бойтесь. Я профессиональная медсестра.

– Я и не боюсь. – вывернулся из ее прелестных ручек Сева. – Нечего меня рассматривать.

– Ему надо немедленно показаться врачу. – уже Терехову сказала дама. – Это может быть симптомами тяжелого заболевания.

– Непременно покажем. – заверил тот, готовый и сам заболеть, лишь бы обратить на себя внимание.

Барышня и впрямь задержала взгляд на Терехове.

– Вы почему так голову держите?

– Шея болит. – признался тот. – Говорят, остеохондроз...

– Вам нужно ставить атлант!

– Это еще что такое?

– Хотите, пришлю настоящего костоправа?

– А сами не поставите?

– Сама – нет. – она явно узрела совсем не лечебный интерес Терехова и села в машину. –

Но лекаря пришлю.

С тем и уехала. Сева стоял и смотрел исподлобья красными, кровавыми глазами.

– Ты что так глядишь? – спросил напарника, провожая взглядом джип. – Какая женщина!... Ведь кто-то спит с такими...

– Я даже знаю, кто. – угрюмо выдавил Сева. – Местный шаман.

– Шаман?! – изумился Терехов. – Алтайский, что ли?

– Нет, вроде, наш. Это его вторая жена, зовут, Лагута. Недавно, говорят, третью взял себе...

Кружилин всегда знал на много больше, чем говорил, но тут вовсе ошарашил информацией и кроме того, подтвердил догадку о своей необъяснимой скрытности. Допытываться о чем-либо у Севы было занятием бесполезным.

Через несколько дней от его жалоб и нытья спасу не стало. Из-за своих болячек в очередной раз отстал и чуть не потерялся, проблудив где-то полдня и всю ночь. Заплутать геодезисту на открытом пространстве, с десятками ориентиров – стыд и срам, но сам признался, мол, леший водил.

– Может, не леший – лешачиха? – с намеком спросил Терехов.

Однажды из благородных побуждений он хотел спасти кришнаитку, обнаружив ее будто бы в состоянии глубокой медитации, то есть, без сознания, нарвался на скандал и после этого всех туристов женского пола обходил стороной. Поэтому, возможно, он и набычился, когда его ошупывала профессиональная медсестра и шаманская жена.

Подобные казусы с Севой случались регулярно, за что он потом страдал, клялся, что будет осторожнее, и опять куда-нибудь попадал. Терехов считал, что судьба его выбрала для собственной изощренной потехи, издеваясь над математическим талантом и подсовывая неразрешимые задачи.

Проблудив ночь, Сева едва приволокся с гнедым в поводу рано утром, но на удивление не ворчал, однако же заявил, что больше в жизни верхом не сядет. Пешком ходить он тоже не хотел и после не долгих раздумий выдал условие: вот если Терехов возьмет себе гнедого, а ему отдаст кобылицу, то он попробует еще раз. У Андрея к концу дня тоже болел шейный позвонок, однако застарелая эта боль давно стала привычной, иногда по утрам вставал с ней и ходил, по определению туриста, как свинья и в самом деле не видел неба. Пришлось отдать серую в яблоках, которая рысила мягко, иноходью, но Севе все равно скачка разбивала суставы. Поездив пару дней, он снова где-то проблудил ночь, и на утро опять стал плакаться. На его счастье в тот день вечером лошади сорвались в бега.

Каждый обихаживал свою конягу сам, а тут пока Терехов разжигал паяльную лампу, на которой готовили пищу, Сева вызвался расседлать и стреножить обоих скакунов. В эту ночь они и сбежали, неведомым образом освободившись от крепчайших пут из конского волоса. Напарник как-то навязчиво клялся и божился, что спутал хорошо, и отпускать коней у него и в мыслях не было. Серую кобылицу после не долгих розысков все же удалось найти и приманить сухарем с сахаром, за которым она бегал, как наркоман за героином. Гнедой жеребец не давался, невидимый бродил по округе и окликал свою привязанную на длинном скалолазном тросе, подругу.

Недели две геодезисты завьючивали ее и перевозили груз, поскольку менять стоянки приходилось чуть ли не каждый день, дабы сократить долгие пешие переходы и уберечься от случайных гостей, которые воровали дрова и все, что плохо лежит. Так что лагерь разбивали в пределах прямой видимости от объектов работы. А самым тяжелым предметом был выючный ящик с документацией, где находился еще и походный сейф с секретными материалами, выданными опасливыми учеными под расписку.

Однако Сева опять отличился: привязал кобылицу за камень – на плато ни единого деревца! – и серая тоже сорвалась в бега вместе с седлом и притороченной к нему, сумкой, где помимо прочих вещей лежал единственный лазерный инструмент – дальномер. У Терехова не нашлось сил даже отругать его, только руками разводил, глядя на болезненного напарника. Мало того, что теперь таскали на себе тяжелый выючник и весь скарб, еще ходили с чувством вины и материальной ответственности: за лошадой расписались в накладной "сдал – принял". А из-за потери дальномера с рулеткой бегали! Академия требовала привязку чуть ли не до сантиметра.

Тут еще Сева окончательно разболелся и слег...

На счастье геодезистов наконец-то вышел из отпуска Репей – начальник заставы Репьев, которого ждали всю экспедицию. Они с Тереховым друзьями никогда не были, но кроме того, что вместе учились в Голицинском погранучилище, этот человек по случайному стечению обстоятельств, сам того не ведая, сыграл значительную и неприятную роль в судьбе Андрея. Андрей, был на курс помладше, однако хорошо Жору Репьева знал, поскольку они оба пришли после срочной, сержантами, а таких курсантов сразу же назначали старшинами учебных рот. Тем паче, Жора уже был гордостью училища, висел на Доске Почета и его старательность в учебе приводилась, как пример.

Жорину фамилию и портрет Терехов узрел на Доске Почета в Кош-Агачской комендатуре и сначала немного ошалел: как так, до сей поры еще капитан, начальник заставы, когда уже в генералах ходить должен? Да тот ли это Репьев, с которым однажды встречали Новый год в подмосковном городке, в компании ткачих ковров? Всмотрелся в фотографию, вроде, тот, но какой-то взъерошенный, помятый, словно стоит на холоде и щурится от ветра.

Потом обрадовался – хоть с погранцами не будет проблем! А то в Академии предупреждали, что они отслеживают каждое передвижение ученых и создают много хлопот. Когда археологи здесь работали, то случайно залезли сначала в Китайскую запретную зону, потом в Монгольскую, и был приказ коменданта держать их на коротком поводке, дескать, там минные поля не убраны со времен противостояния с Китаем.

Но оказалось, Репей буквально за сутки раньше отбыл в отпуск и пребывает где-то в Краснодарском крае, будто строит там себе коттедж и будто ждет перевода на юг. Видно, у лучшего курсанта служба не задалась или сам не хотел продвигаться в старшие офицеры, дабы не удлинять срок выслуги и не отодвигать пенсию. В комендатуре народ был не словоохотливый, подозревающий, и почти никак не отреагировал на знакомство приезжего "ученого" с капитаном Репьевым и на то, что они однокашники. Для них вся Академия была туповатыми и нагловатыми "профессорами", которые не ходили строем, а залезли на плато, вытащили из могилы исколотую бабу и теперь сюда прет поток всяких туристов, полудурков, иностранцев со всех концов света – одна головная боль! Так бы служили себе тихо, мирно.

Ко всему прочему, Андрей случайно услышал разговор офицеров: как только Жора уехал в отпуск, с его заставы привезли солдата-срочника с сильнейшим алкогольным отравлением и чуть ли не белой горячкой. То есть, по всей вероятности, в хозяйстве некогда лучшего старшины учебной роты пьянствовали даже срочники. Кот из дома – мыши в пляс...

Репей заступил на службу в то время, как заболел напарник Сева. На Терехова начальник заставы сначала смотрел, как на пустое место, будто никак вспомнить не мог. В самом деле размышлял, узнать и выдать из себя радость или не узнать, сослаться на забывчивость и сразу же отвалить холодным приемом. Но это было в порядке вещей: Жора Репьев еще в училище изображал из себя начальника и стремился всегда быть лучше всех. Впрочем, он и был лучше всех, красный диплом получил с правом свободного выбора места службы. Но при всем этом Репья в училище уважали, поскольку все видели, какими невероятными трудами ему дается и физподготовка, и учеба, и общественная деятельность: Жора еще был комсомольским вожаком. А родной курс, на котором он старшинствовал, в буквальном смысле был от его требовательности, за что и получил прозвище Репей. Он вставал до подъема и мастерил свое тело, таская тонны железа на самодельных качалках. В перерывах все бежали курить и дурака валять – Жора подходил к снарядам, сидел за учебниками, художественными книжками или рисовал стенгазету. У него было пристрастие к живописи. И когда комсомол тихо прикрыли вслед за партией, билета не выбросил, публично не отрекался и потому с молчаливого согласия продолжал верховодить в училищной молодежной среде. Командиры и преподаватели оценивали трудолюбие, пророчили большое будущее, мол, генералов видно уже в курсантских погонах...

Отглаженность и подтянутость у него сохранились с тех еще времен, однако физиономия была заметно помята. набрякли мешки под глазами и взгляд потускнел. Обычно Репей радушно принимал равных себе или тех, кто был на порядок ниже его по положению. Терехов всегда был ниже, тем паче, сейчас, после трех недель работы на плато зарос бородой, и похоже, его вид вводил в заблуждение.

– Так ты что, не служишь? – недоуменно спросил Жора, тем самым признавая Терехова.

– После выпуска попал под сокращение. – признался тот. – Всех троичников списали в запас.

Репей вроде бы даже обрадовался и насторожился одновременно:

– А как в археологи попал? В ученые?

– Да я не ученый. – испытывая тягостное чувство от такой встречи, проговорил Терехов. – Топограф. Еще до армии техникум закончил... Ну ты же помнишь, в училище занимался спортивным ориентированием? На марш-бросках курс водил, когда по лесам бегали. Вы блудили, а мы все время выходили в точку...

– Такого не помню. – зачем-то соврал Репей. – А вот как ты пел на сцене в клубе – помню. Оперный голос! Вокруг вертелись все женщины... И еще на пианино играл.

Он врал и даже угодить хотел: все самые лучшие женщины вертелись всегда возле облитого мышцами, Репьева.

– На рояле. – поправил Терехов. – У нас в училище рояль был, белый "Стенвей".

– Все равно... Тебе же пророчили консерваторию? И погоняло давали – Шаляпин!

– Не приросло погоняло...

– Сейчас не поешь?

– Если только за рулем, когда спать хочется.

– Мог бы служить, мог бы петь... А ты с теодолитом по горам?...

– Так получилось...

В голосе его послышалась зависть, сбившая с толку: Жора не знал, что еще спросить и что вспомнить, поэтому заскучал и сказал:

– Пошли, выпьем, что ли. Я краснодарского домашнего привез... Можно и водочки накапать по такому случаю.

А прежде даже от шампанского отказывался. За всю учебу в погранучилище был только один случай, когда одноклассник напился и они тогда чуть не стали друзьями. Если точнее, родственниками, свояками. На новогодние праздники курсантов отпустили в увольнение и все старшины рот поехали в гости к родителю одного из них, который жил в подмосковном короткаческом городке и был в то время известным писателем. Цель была благородная – получить автографы, поэтому все купили книжки, однако опоздали на электричку. Это не смутило, совершили марш-бросок в одиннадцать километров, и потные, промороженные насквозь, едва успели к полуночи. Гостеприимный писатель самолично преподнес каждому курсанту по стакану самогона, а потом сверху придавили новогодним шампанским и потянуло на подвиги.

В то время они уже хорошо знали три предмета – бегать, танцевать и драться. Старшины потанцевали с ткачихами в клубе, где Терехов не сходил со сцены и пел под бурные аплодисменты, потом сидели за столом и снова танцевали. Но наехала ватага каких-то залетных, требующих отдать половину девушек. А среди них было две сестрицы-близняшки, красоты редкостной, вокруг которых увивался Репьев, не зная, которую выбрать. Курсанты не уступили ни одной, даже самой не востребованной девушки, дружно разогнали эту банду, потом еще потанцевали и еще раз подрались, когда те явились с подкреплением и цепями. Опрокинули их машины и гнали до какой-то незамерзающей речки, где разбойники спаслись в воде. Этим они окончательно покорили местных невест, особенно блондинистых близняшек, которые поили курсантов шампанским и объяснялись в любви.

Терехов отлично помнил, что они с Репьем их и выбрали, а далее все было, как в тумане. Проснулись они одновременно, в одной комнате, в постелях с этими самыми совершенно одинаковыми сестрицами, имена которых даже не помнили, точнее, путали. И услышали голоса родителей, обсуждавших на кухне предстоящую общую свадьбу, мол, расходов меньше, а какие женихи – будущие офицеры! Правда, тоже путали имена, который и какой дочке достался. Терехов с похмелья не страдал, но с ужасом думал, что теперь придется жениться и рассматривал спящую девицу. А она была ничего, даже утром продолжала нравиться. Но Репьев не стал дожидаться когда проснуться невесты, на правах старшего шепотом отдал команду "делай, как я!", схватил свою одежду, растворил окно и выпрыгнул. Терехов выполнил команду не раздумывая, и только приземлившись в снег, стал считать этажи.

– Помнишь, как мы с тобой встречали новый год? – с ностальгией спросил Андрей, когда раскупорили оплетенную бутылку и молча пропустили по стакану.

Репьев не захотел гусарских воспоминаний, единственный раз их сблизивший.

– Как же, помню. – не глядя буркнул он. – Кажется, был четвертый этаж.

– Третий. – поправил Терехов.

И вдруг понял, отчего так мрачен некогда лучший курсант, гусар и великий трудяга. Репью сейчас более всего не хотелось признавать собственное поражение по всем статьям и выглядеть убогим вечным капитаном на захудалой алтайской заставе. Поддержать или даже приподнять его дух можно было не воспоминаниями, а единственным способом – самому стать жалким и немощным, чтобы однокашник почувствовал себя нужным, полезным и энергичным.

– У меня напарник заболел. – просительно сказал Терехов. – Помоги отправить в больницу.

– Это можно. – слегка вдохновился Жора и вызвал дежурного по заставе. – А что с напарником?

– Не знаю, головные боли, озноб, сухость во рту. Думает, от верховой езды. Сначала хребет заболел...

– Такая болезнь тут бывает. Похмельный синдром называется...

– Да мы на сухом законе. – возмутился Терехов, – У нас и жратва кончилась.

– Значит, наркотическая ломка. – спокойно заключил начальник заставы. – Симптомы очень знакомые.

Севу Кружилина и в самом деле трясла лихорадка. поэтому упаковали в спальный мешок, загрузили в раздолбанный командирский "Уаз" и повезли в Кош-Агач.

Догадка оказалась верной: роль зависимого просителя Репьева возвеличивала. Он воспрял, сам предложил несколько коробок армейских сухих пайков и два старых солдатских матраца: спать на тонкой подстилке становилось холодно. Далее великодушные однокашника начало иссыхать. Он со скрипом согласился дать три охапки колотых дров и раз в три дня заворачивать к лагерю "ученых", дабы его перебазировать на новую точку – ссылаясь на старую технику. Мол, существование его заставы под большим вопросом, поэтому ни машин, ни нового вооружения. Командирский "Уаз" и в самом деле ходил лишь до комендатуры, зато дизельные "Уралы" ползали по всему плато в любую погоду. На территории заставы стоял армейский кунг с печкой, на колесах и замком на двери, но о его заимствовании на время Жора и слышать не захотел, обрекая однокашника на палаточное существование. Впрочем, как и отпустить хотя бы одного солдата, чтоб таскал рейку и мерную ленту, мол, строгий контроль за личным составом. Напишет матери, что продали в рабство – греха не оберешься, до пенсии не дослужишь. А вот отловить сбежавших коней, если они не ушли за кордон, Репей вызвался сам, потому как у него конюхом служил один алтаец-контрактник, перед которым эти животные будто бы на колени становились. И сам Репьев в училище числился лучшим наездником, его верховой портрет висел в седельном отделении конюшни.

– У нас тоже жеребец пропадал. – признался Жора. – Гнедой красавец, чистых кровей.

– И у меня гнедой, почти вороной. – загоревал Терехов. – И тоже чистокровный...

– Ничего, поймаем! Мой три года отсутствовал, уже списали. Думали, за границу подался или казахи угнали, на племя. А когда Мундусова на службу взяли – нашел и привел. Духи, говорит, к себе забирали и вернули... Так что ты смотри, с духами осторожнее! И не потребляй с ними лишнего. А то опять прыгать придется или отваживать!

– Духи, это кто?

– Алтайцы!

Как позже выяснилось, относительного Севиной болезни он оказался прав, поставили острый похмельный синдром, подержали на капельнице, однако на всякий случай переправили в Горно-Алтайск. Оттуда пришло сообщение – у Севы сильнейшая наркотическая ломка! И

тогда Сева Кружилин уже сам поехал в Новосибирск, сдаваться настоящим докторам, ибо с диагнозом был решительно не согласен. И особенно с предложением подписать бумаги о добровольном лечении от наркозависимости.

В общем, отношения с заставой у Терехова худо бедно наладились. Репей даже сам однажды приехал в гости, посмотрел на полевое житье-бытье однокашника, побродил по окрестностям и неожиданно пообещал в следующий раз притащить кунг – должно быть, проникся суровой судьбой топографа. "Урал" и в самом деле на точку завернул, но без кунга. Водитель перебазировал лагерь, выкинул на землю охапку дров и уехал, пообещав, что через три дня заедет снова.

А на утро Андрей обнаружил замерзающего туриста на "месте силы" и с похожим синдромом.

3

Вид и симптомы у найденного туриста были очень похожи, хотя этот не ездил верхом, сам вроде бы занимался лекарством, правил суставы, считал себя вегетарианцем, жизнь которых исключала наркотики. Но Терехов уловил сходство в поведении и том бреде, что нес несчастный костоправ. Когда Сева проблудил всю ночь и днем отсыпался, то начал говорить во сне, причем, весьма поэтично. Андрей не услышал всей складной истории, но некоторые фразы уловил и запомнил: напарник вещал о некой черной сове, что живет в каменной башне или на вершине некой горы. По ночам она вылетает из своего убежища и бесшумно реет над Укоком. Из-за своего цвета она почти невидима, и узреть ее можно лишь на фоне неба, когда крылья накрывают луну и звезды. А еще у совы есть лук, она стреляет отравленными стрелами, после чего уносит добычу к себе в башню. Терехов тогда особого внимания не обратил, решил, что Сева услышал где-то алтайский фольклор и теперь, под воздействием сильных переживаний и болезни бредит во сне.

Турист тоже плел какие-то небылицы про каменную башню, но жила там будто бы не сова – женщина по имени Ланда.

По закону подлости Терехов забрался на южную окраину плато, в верховье Ак-Алаха, где ждать оказии было бессмысленно, а ночевать в тесной палатке, да еще без спального мешка, невозможно. Проще было совершить марш-бросок до заставы, к утру вернуться на машине и сдать туриста наряд, пока он тут не очурился. Вдвоем с Севой они спокойно помещались в одноместной палатке вместе с рюкзаками и инструментом, а этот объемный гость оккупировал не только спальник и солдатские матрасы, но и развалился посередине узкой полосы незанятого скарбом, пола, вертелся, елозил, опять молотил какую-то чушь про "порталы", спорил с учителем Мешковым и звал теперь уже не Ланду, а некую черную сову по имени Алеф. Звал поэтично и с любовью, но от одной этой совы становилось жутковато. Не то, что уснуть, сидеть рядом муторно, да еще и резкий, обвальный дождь застучал по крыше. Похмелье искателя чудес проявлялось все больше, похоже, туриста мучили головные боли, отчего он скулил, зажимая виски, тыкался по углам и на зов не отвечал.

Терехов послушал эти пугающие звуки на фоне дождя, мысленно обложил гостя, но при этом не испытывая злости к нему: просто не хотелось в такую пору выходить на улицу. Взвесил нравственную причину – как-то неловко выдавать приبلудного властям, коих он боится, однако мысль за нее не зацепилась. Как не прикидывал, но его состояние такое, что лучше передать пограницам. Тем паче, травоядный турист вроде скульпить переставал, но и дышал как-то через раз. Такого у Севы не было, а этот, возможно, и в самом деле вышел из запоя и теперь схватил "белочку". Жаждающие обрести чудесную силу на плато не брезговали земными снадобьями, иногда по целой ночи пили водку, а иные и вовсе привозили с собой и жрали мухоморы, чтобы "просветлить" восприятие. Не исключено, и этот чем-нибудь просветлился.

Терехов пощупал пульс, потрогал вспотевший лоб, кажется, все нормально...

Когда совсем свечерело и дождь кончился, он с тоской достал из мешка армейскую прорезиненную химзащиту. По укокскому климату августа лучше одежды не придумать, к тому же, едва расстегнув палатку, чуть не захлебнулся от косога снежного заряда. Пока бежишь до заставы, а это верст двадцать, погода сменится еще несколько раз, и не в лучшую сторону как всегда...

Он выбрался наружу и сквозь ветер отчетливо услышал голос лошади – очень знакомый, с подвывом: так ржала серая, в яблоках. И в тот час промелькнула мысль: поймать, благо что узда и седло остались, и хоть шагом, но отвезти туриста на заставу. Кобыла крепкая, двоих выдержит, если что, привязать его поперек седла и в повод... Рассмотреть что-либо в белой, сумеречной круговерти было невозможно, однако кобылица стояла где-то близко и словно под-

дразнивала, звала, ритмично и почти непрерывно, как заведенная. Терехов прихватил галеты, сахар, нашел узду и сразу спрятал запазуху.

Ипподромовские кони оказались умными и вольнолюбивыми: заседланные и с удилами в пасти вроде диковатые, но сними упряжь, сами к рукам лезут, даже мордами о плечо потертая норовят, особенно если у тебя сухарь или галета. Брать за чуб не даются, скалятся и уши прижимают, а только покажись с веревкой или уздой – близко не подойдешь!

Терехов пошел против ветра, на ржание, и чуть только не натолкнулся грудью на конский круп: попробуй, разгляди в вечерний снегопад серую лошадь в яблоках! Это что гнедую ночью или черную сову в потьмах... Кобылица стояла в двадцати шагах от палатки, так же головой против ветра, и кого-то звала из вечерней снежной мглы. Стояла, как вкопанная! Опасаясь спугнуть, он осторожно обошел ее сбоку, приготовил галеты и внезапно увидел узду на морде. Спущенный к земле, повод, вероятно, зацепился за припорошенные снегом, камни. Удача была редкостная, туристу во второй раз повезло! В первый миг Андрей даже не подумал, откуда взялась узда, если серая сбежала голенькой, но когда склонился, чтобы выдернуть зажатый повод, понял, что кобылица привязана за торчащий из земли, камень. Причем не на петельку, как шнуры на ботинках – на удавку, как вяжут алтайцы.

Он отвязал лошадь, намотал повод на руку.

– Попалась, тварь гулящая...

Ругнулся беззлобно, радостно, а сам непроизвольно и настороженно поозирался. Кобылица не обращала внимания даже на сахар, все еще тянулась против ветра и призывно ржала. Кто-то привел ее сюда, привязал и сам скромно удалился, скрылся в непогоди – видимость и десятка метров нет. И все же Терехов крикнул во мглу:

– Эй!?!... Спасибо!

В такую пору в южной стороне Укока мог быть только конный наряд пограничников. Скорее всего, конюх-алтаец с заставы: никто другой бы одичавшую серую не поймал. А может и сам Репьев, поскольку он имел привычку лично проверять пограничные наряды, в одиночку разъезжая верхом на лошади. Однажды в сумерках рядом с палаткой проскакал в сторону монгольской границы и даже не остановился. В другой раз ночью пролетел по дороге мимо – Терехов едва отскочить успел, и узнал Жору по пограничной фуражке старого образца, с которой он не расставался. А было как раз полнолуние, на плато хоть иголки собирай, явно видел человека на дороге. Андрей фонариком еще светил, кричал вслед – начальник заставы унесся, как угорелый.

И сейчас Терехов спохватился, закричал:

– Стой! Погоди! Я вам нарушителя поймал! Заберите!

Взнуздая кобылицу и вскочил верхом. И порадовался, что серая на рыси идет иноходью: скакать без седла, да еще в скользких прорезиненных штанах, было опасно, отвыкшая лошадь порскала в стороны, норовя сбросить всадника и не хотела переходить в галоп. Андрей нахватался адреналину, кое-как проехал с полкилометра, когда снежный заряд опал, сразу же посветлело, и оказалось, не такой уж и поздний вечер. На видимом горизонте не было ни машин, ни пешеходов, ни конных. И следов тоже никаких: вероятно, лошадь привели и привязали еще до метели, в дождь...

Обратно он возвращался пешком, а поскольку не нашел, за что привязать кобылицу, то повода из рук не выпускал. Первым делом заседлал ее, потом растолкал уснувшего туриста.

– Вылазь, поехали!

Тот показался каким-то умиротворенным, почти нормальным, если бы не сказал безумной фразы:

– Лунной ночью ко мне прилетала черная сова. – вдруг заплакал и добавил сдавленно. – Она посадила меня на своего единорога и свезла в подземные чертоги!

– Ну и что? Как там?

– Я только в окна посмотрел. – признался турист. – Там есть окна, в параллельный мир... Я только заглянул!

– Лучше бы ты исчез в этом мире! – ругнулся Терехов. – Я бы с тобой сейчас не возился...

– Она не пустила! Велела уезжать...

– Правильно велела. – Андрей вытащил его из палатки и поставил на ноги. – Если ты на единороге ездил – на простом коне усидишь. Верхом когда-нибудь катался?

– В детстве, на пони... – подавляя всхлипы, признался он. – Но очень хочу научиться... Ланда так здорово скачет на лошади!... Черная сова Алеф Мешкова на аркан взяла, а меня свела! Теперь я знаю, подземный мир существует!

Терехов опять вспомнил Севу, но пропустил этот бред мимо ушей.

– Вперед, казак!

– А мы куда едем?

– К Ланде. – наобум сказал Терехов. – А ты куда хочешь? К черной сове Алеф? Давай обувайся и в седло!

Турист увял, однако стал бестолково пихать ноги в мокрые ботинки. Похоже, еда и краткий сон немного восстановили рассудок, по крайней мере, понимал, где находится.

– Алеф затворила к себе дорогу. – тоскливо проговорил он. – Ущелье сошлось, река ушла в земные глубины. Мне ее не найти... Кстати, вам нужно ставить атлант. Вы чувствуете, как ваша голова сидит на шее?

– Нормально сидит, как у гуся! Главное, чтоб ты на коне усидел.

– Могу вам поставить! Я профессиональный костоправ.

– Если сейчас же не обуешься, я тебе сам кости вправлю, – беззлобно пригрозил Терехов.

– Тошнит и голова кружится. – пожаловался тот. – Вестибулярный аппарат...

– Пить меньше надо! – отрезал Андрей. – Шевелись, давай!

– Мы не пили! – чего-то испугался турист. – Точнее, я не пил... Между прочим, алкоголь, это яд. От мяса тошнит. Зачем ты дал мне консервированный труп? Черная сова Алеф запретила даже прикасаться к мертвечине!

– Чтоб сам не стал мертвецом. Одевайся живее, костоправ! Пока я тебе атланта не поставил.

– Ты меня отвези в Аршаты. – вдруг попросил травоядный. – Дальше я сам доберусь.

Селение Аршаты было на территории Казахстана...

– А ты сам откуда?

– Вообще-то из Астаны...

Граница с Казахстаном охранялась условно, а в горах и вовсе была даже не обозначена. Карт сопредельной территории не было, тащиться наугад, бездорожьем, да еще ночью – безумие. Турист наконец-то встал на ноги, натянул теплую куртку Севы Кружилина и осмотревшись, капризно надулся:

– Где мой единорог?... На этом коне не поеду!

– А куда ты денешься?

Кое-как записав вегетарианца на круп танцующей кобылицы, Терехов сел в седло и они наконец-то поехали. Лошадь почуял и солидный груз на спине, и жесткую руку наездника, смиренно и тяжело пошла крупным шагом, только все еще озиралась и тихонько кого-то звала. Турист вцепился в заднюю луку седла и первые сотни метров мотылялся сзади, как мешок. Показалось, езда вытряхивала из него остатки дури, и выяснилось, он не плохо ориентируется на местности, поскольку начал спрашивать, почему едут на север, когда надо в Казахстан, на юг. Соображал, откуда дует ветер! Потом вдруг засмеялся и сообщил доверительно:

– Если на заставу едем, мне все равно ничего не будет! Деньги-то я спрятал! С меня взять нечего! Так что лучше в Аршаты. Там с тобой рассчитаюсь. Двести баксов дам и атлант вправлю.

Андрей принял это за бред и резко его осадил, приказал держаться крепче и не крутить головой, иначе мол, ссажу и топай пешим. Тут еще на благо Терехова, вегетарианца начало мутить, он закричал, заперхал горлом, норовя блевануть прямо на спину и получив тычка локтем, надолго успокоился.

Кобылица сама переходила то на рысь, то на шаг, дышала тяжело, однако все-таки везла. Снегу выпало на вершок и таять он не собирался, ледяной северный ветер гнал поземку, можно было очень легко перескочить дорогу. Пассажира все же вытошнило, пришлось остановиться, отчистить бок лошади и дать туристу снежный ком, чтоб закусил. Следить за направлением он уже был не в состоянии, жалобно скулил и опять понес бред про Ланду, которая будто бы скачет у них по пятам и надо от нее оторваться. Иначе, мол, обоим будет кирдык, поскольку черная сова стреляет из лука отравленными стрелами.

За час они одолели примерно половину пути, и подморенная серая выдохлась, начала останавливаться, с морды падала пена. Терехов спешился, пересадил туриста в седло, вставил ноги в стремя.

– Только держись крепче! – приказал, встряхивая безвольное, грузное тело. – Навернесья – каюк атланту!

Турист на окрики еще реагировал, вцепился в лук обеими руками, а Терехов взял кобылицу в повод и побежал. Наезженные грузовиками, колеи он в буквальном смысле узрел ступнями ног: был бы верхом – проскочил. Бежать по дороге было легче, чем по прибитой снегом, траве, болотистым участкам и каменным высыпкам, пассажир тоже, вроде бы приноровился к ритму, а облегчившуюся серую и вовсе приходилось переводить на шаг. Она словно чуяла близость заставы и шла теперь крупной рысью.

Подготовка, полученная в погранучилище на бесконечных марш-бросках по пересеченной местности, в ночное время и с ориентированием, пригодилась, когда в начале девяностых после выпуска Терехов оказался в запасе, а на работу брали разве что в бандитские охранные структуры. А он все же надеялся вернуться в погранвойска, полагал, что дело в государстве поправится, офицеров вновь призовут на службу, поэтому не хотел пачкаться в криминальных ЧОПах. Была возможность поступить в консерваторию, поскольку природа наградила идеальным музыкальным слухом и неплохим голосом, но учиться больше не хотелось, да и уже первый сын Егор родился, семью надо было кормить. Вот тогда и достал почти забытый диплом топографа, легко устроился в одну из дочерних фирм Газпрома, думал, временно, на год-другой. Работать пришлось вахтовым методом, на Ямале, и в условиях, о которых мечтал с юности – в полевых экспедициях. Геодезиста, как волка, кормили ноги и выносливость: прежде чем прокладывать газопроводные нитки от скважин к насосным станциям, надо было прошупать подошвами многие сотни километров болотистой тундры. И он делал это с удовольствием: физические нагрузки неожиданным образом создавали радостное ощущение наличия души в теле.

И Терехов так втянулся в новую старую профессию, что спустя шесть лет, когда его вызвали в военкомат и предложили вернуться в вооруженные силы, он словно о барьер запнулся. Оказался не готов начинать другую, некогда желанную судьбу, да еще с лейтенантов, когда походная, экспедиционная, уже определилась и выросла в образ жизни. В армии это опять командиры, начальники, приказы и полное подчинение, когда тут воля вольная, особенно если ты уже доказал, что можешь работать самостоятельно, качественно – вообще никакого надзора! И зарплата со всеми надбавками на два порядка выше, чем офицерская: когда с женой разошелся, за три года квартиру купил в центре Новосибирска.

Его и к академикам послали, зная, что в ЮНЕСКО не будет никаких претензий...

Конечно, самолюбие слегка подтачивало веру, однако встреча с Репьевым его вдохновила самым неожиданным образом: посмотрел на застаревшего капитана и окончательно успокоился. Погранучилище можно было считать тренировочной базой, особым периодом закалки

боевого духа и совершенства тела, способных выживать в любых условиях. Если такой блестящий выпускник прозябает на захудалой алтайской заставе и ждет минимальной пенсионной выслуги, то что стало бы с Тереховым, согласишься он надеть погоны?

Вдали уже замаячили огни на заставе, когда пассажир все-таки сверзся с лошади и таянул в плащмя в подтаявшую снежную кашу. Поерзал, кое-как поднялся на четвереньки, но встать на ноги уже не смог. Терехов завалил его поперек седла, притянул ремнем к лукам, как притягивают мешок.

– Голова... – проямлил тот.

– Терпи, казак! Уже близко.

Часовые на постах не спали, и вероятно, отслеживали всякое передвижение в приборы ночного видения. Застава поднялась "в ружье", на вышке вспыхнул прожектор, точно осветив Терехова с лошадьёю в поводу.

– Свои! – закричал он и прикрылся рукой от слепящего луча.

Двое подбежавших погранцов наставили автоматы с примкнутыми штык-ножами.

– На землю! Вниз лицом!

– Я Терехов! – ложиться в лужу даже в химзащите не хотелось. – Геодезист! Академия наук, Газпром... Зовите Репьева!

Один вскинул автомат, готовый идти в штыковую, второй дал предупредительный выстрел вверх, а от заставы бежали еще двое, с овчаркой на поводке.

Погранцы не раз приезжали к нему на точки, перевозили экспедиционное имущество, дрова, пили чай и знали "ученого" в лицо. Но тут действовали по уставу не взирая на личности.

– Балбесы. – сказал им Терехов, и не выпуская поводка, стал укладываться на землю.

Подбежавшие солдаты сдернули с седла туриста и шмякнули его в грязь. Кто-то из них вырвал повод из руки, а кобылица почуяла, что на свободе – встала на дыбы, ловко развернулась, и прыгнув в сторону, исчезла из прожекторного пятна.

– Придурки! – прорычал Терехов. – Ловите кобылу!...

И затылком почуял хищный оскал овчарки.

Все это подчеркнуто-жесткое задержание напоминало учебную отработку действий, и если не считать случайно отпущенной лошади, то тренинг прошел успешно. Через минуту догадка подтвердилась, ибо в потоке света оказался Репьев с секундомером на шее и видом футбольного судьи, показывающим красную карточку.

– Справились на уд! – заявил он. – Задержанных в кутузку!

– А тебе неуд, товарищ капитан! – проворчал Терехов, вставая. – Лошадь отпустили! А если на ней взрывчатка? Наркотики, оружие? Как нас учили?...

Жора отлично знал, кого положил в грязь лицом, но тут сделал вид, будто не ожидал и обрадовался.

– Терехов, ты что ли?!

– Нет, Шаляпин...

– Что тебя по ночам носит?

– Нарушителя тебе привез! А тут такая встреча...

И по тону Репья лишний раз убедился, что он отлично знал, кого ночью несет на заставу, но провел тренинг по задержанию, дабы унижить Терехова.

– Не знал, Андрей! – стал оправдываться насмешливо. – Дозор засек, доложил... Да не обижайся ты! Кого привез?

– Сам разбирайся, – огрызнулся Терехов. – Большой он, на всю голову... Кобылу теперь ловите!

– Где Мундусов? – засуетился Жора. – Ну-ка живо догнать, поймать, привести!

Солдаты подхватили невменяемого, но все-таки живого туриста и поволокли на заставу. Репьев приобнял Андрея.

– Ну, пошли, Шаляпин, у меня баня горячая. Погреемся, снимем первый парок! Мы со снегом начинаем каждый вечер топить. Наряды приходят со службы и в парную! Уже традиция... И ни одного заболевшего! В смысле, простудой. Так что милости прошу. В любой вечер!

Его словоохотливость выдавало переживаемое чувство вины: все-таки совесть была, почувал, что переборщил со своими приколами.

– Пешком не набегашься. – проворчал Терехов. – А мою лошадь твои бойцы проворонили!

– Ничего, изловят. – заверил однокашник. – Кобыла – не девица... Ну, прости. Ну прикололся я! Заодно тренинг для бойцов...

Он еще курсантом прикалывался подобным образом, за что его, лучшего из лучших, чуть не выперли из училища. Об этом курсовые офицеры любили вспоминать. Спасли Доска Почета, трудолюбие, учеба на отлично и чистая карточка взысканий. Однажды по уговору будто бы поссорился с однокурсником, демонстративно бросил перчатку в лицо и вызвал на дуэль. Стрелялись в присутствии двух секундантов, холостыми – оба "случайно" промахнулись. Оказывается, смысл поединка был совершенно неожиданный, хотел выявить таким образом стукачей на курсе. Выявил: на сто человек оказалось всего двенадцать, которые успели доложить о предстоящем поединке, и трое еще попали под подозрение.

В теплом предбаннике был накрыт скромный по военным меркам, стол – чай в электрическом самоваре, бутерброды, вареные яйца и печенье. Подчиненные отлично знали вкусы и привычки командира: дело в том, что в училище Репей был известен еще, как вечно жующий курсант. Это вкупе с пристрастием к приколам, подъему тяжестей, чтению и учебе. Беспощадные физические упражнения требовали постоянной подпитки и он всегда что-нибудь ел. Этот неутоляемый голод тоже делал его известным, а сам Жора оправдывал такую страсть трудным детством, мол, на помойке вырос. Можно было, говорят, ночью разбудить и предложить любую пищу – съест и снова уснет. Особенно любил вареные яйца, и когда его курс выпускался, младшие товарищи подарили семьсот штук – каждый по одному. Хотели по паре, но в ближайших магазинах Голицыно закончились яйца.

Пока Репей раздевался, успел очистить и съесть между делом три, при этом ни на секунду не умолкая. Четвертое прихватил в парную. Терехов выпутался из мокрой химзащиты, одежды и нырнул следом за ним. В первый миг показалось прохладно, хотя от каменки изливался тугой, осязаемый зной.

– Нет, я в самом деле не знал, что ты идешь! – клятвенно заверил Жора с яйцом во рту. – И это не прикол. Во-первых, откуда у тебя конь? А дозор сообщил – идут двое, с завьюченной лошастью. Контрабандисты...

– Коня же твои служивые поймали! И привязали возле палатки...

– Погоди, – судя по кадыку, Репей проглотил яйцо не разговывая. – Кто поймал?

– Солдатики твои! Алтаец, наверное...

Жора зачерпнул кипятка, но на каменку не плеснул – поставил ковш и сел.

– Мундусов в суточном наряде по заставе. – почему-то промолвил обреченно. – Моих там не было...

– Тогда кто?

Жора вспомнил, что хотел сделать – саданул на каменку полный ковш. Терехов запоздало присел, схватился за уши. Репей и здесь показывал превосходство, не дрогнул от волны огненного пара и демонстративно залез на полок. Андрей сдернул с гвоздя пилотку, натянул на голову и опустился на лавку. Он все еще ждал хоть какого-нибудь вразумительного ответа, однако Репьев крякнул и повеселел.

– Слышь, Андрюха. – панибратски заговорил он. – Все хочу спросить... У тебя семья есть? Дети?

– Два сына. – не сразу отозвался он. – Ты зубы мне не заговаривай. Кто поймал и привязал кобылу? По-алтайски, между прочим, на удавку...

– Да хрен знает, кто. – отмахнулся капитан. – Не обращай внимания... Так ты счастливый папаша? Отличный семьянин?

Терехова подмывало ткнуть Репьева носом, указать ему место, подчеркнуть, что он давно уже не самый первый, не самый лучший при всех старых привычках. Судя по всему, семьи у капитана не было – женскую руку на мужчине сразу заметно, а этот какой-то чисто по-армейски подшитый, наглаженный, причесанный и вечно голодный.

Но почему-то в бане врать не хотелось, возможно потому, что сидели голые.

– С моей работой, мать ее... – вместо хвастовства выругался Терехов, потрафляя тем самым самолюбию однокашника. – Торчу месяцами по тундрам... Между прочим, я же потом туда вернулся!

– Куда – туда?

– На третий этаж, откуда прыгали.

– Да ну?...

– И женился на Светке. Ты помнишь Светку?

– Я их и тогда-то путал... Неужели ты вернулся?

– Через пять месяцев, добровольно-принудительно. Светка привезла родителей, ковер и показала живот. Прямо в кабинете начальника. Ты уже тогда давно выпустился...

Жора не дослушал, занятый своими мыслями и тоже врать не захотел.

– Двух подруг сюда привозил. – вдруг признался он. – Одна выдержала почти год. Верхом ездить научил, стрелять. Все условия вроде бы создал... Вторая через три месяца сбежала. Только стрелять и научил. С туристами договорилась, и пока объезжал территорию, слиняла... Третья сама пришла, возьми, говорит...

– Да ты многоженец!

Репей на шутку не отозвался.

– Есть тут у меня один проповедник полигамии. Мешков фамилия, здешний шаман, лекарь или хрен знает кто. Шарлатан, в общем. Но у самого несколько жен, почти официально, все знают... Он третью подругу мне и подбросил. Женщин тут колбасит. Тоже что-то вроде похмельного синдрома. Первые две приехали от любви пьяные. На Укоке протрезвели...

– А третья?

– Третья наоборот, опьянела. И живет.

– С тобой?

Жора то ли посожалел, то ли похвастался:

– Я убежденный холостяк.

– Тебе сколько до пенсии, холостяк? – спросил Терехов. – Года два осталось?

И испортил начавшийся было, душевный разговор.

– А я не до пенсии здесь! – задиристо произнес Репей. – Я служу Отечеству.

Сказано было не для красного словца, и Андрей сообразил, что задел за живое. Примолк, уважая чувства хозяина, но Жора не унимался.

– Это тебе на гражданке можно выдрючиваться. Надоело – ушел и сиди дома, в тепле. Там семья, сыновья...

– Да у меня тоже все хреново, Жора! – Терехов вздумал поправить положение. – Дети со Светкой, а мы давно развелись. Семью обеспечиваю, но живу отдельно...

Репьев взметнулся, словно грозный орел со скалы, и закружил над головой.

– Подумай, что ты мелешь? Развелись!... У тебя два сына! Детям отец нужен, а не твоя бродяжья работа. И не деньги!

Признаваться Терехову было трудно, однако и умолчать невозможно – это все время грызло и скребло душу, хотя вины Жориной в том не было.

– Мать Светкина перед смертью призналась. Потом и Светка подтвердила... Она не Светка, а Людмила! Они паспортами поменялись.

Жора потряс головой, соображая.

– Ну и что?...

– Ничего! Светка тогда со мной спала, а ты с Людмилой!

– Неужели запомнил? Я их путал...

– У меня не бывает похмелья и голова всегда ясная.

– А мне было дурно. – признался однокашник. – Прыгнул, и думаю, зачем? Все могло бы быть по другому...

– Поздно крыльями хлопать. Настоящая Людмила давно замужем. И тоже голову мужу дурит. На самом-то деле она Светка! Та, что со мной была. Думаю, мой первенец – твой сын. кстати, Егором зовут. Почти что Георгий...

– Да ладно, – насторожился тот. – Это проверять надо! Есть же сейчас генетическая экспертиза!

– Не буду. Что проверять, если на тебя похож?

– Да брось ты!... – Репей встряхнулся, но ошеломления не страс. – Гонишь?... Кончай шутить!

Терехов молча сходил в предбанник, принес бумажник, развернул и показал фотографию двух улыбчивых пацанов, разновозрастных, но очень похожих друг на друга. Жора вцепился, поднес к свету и долго вглядывался. Потом поскреб стриженный затылок.

– Ничего общего... Хотя что-то есть. Но глаза у обоих карие! У меня – голубые!

– Ты хоть помнишь, какие были у Людмилы?

– Откуда?... Сидели при елочных свечах...

– У Людмилы зеленые.

– И у тебя синие!... Тут еще надо разобраться, чьи это дети!

– Мои. – Терехов отнял бумажник.

– Нет, я не спорю! Бывает... Но в твоём Егоре что-то есть.

– Ничего нет, это я так, приколотся. Оба мои.

Репев шутку оценил, опомнился и в тоне послышалась нравоучительность.

– Тебе вертеться поздно, Шалапин! Женился, детей завел – живи. Светка, Людмила... Какая разница, если их мать родная не отличала? А можно и с обеими сразу, как Мешков.

– Я отличал.

– Что же не отличил?

– Наехали родители! Начальство... Тогда еще нравы были советские.

– У нас с Людмилой ничего не было. – вдруг признался Жора, хотя раньше хвастал об обратном. – Это я хорошо помню... Ну, какой из меня был!...

– Это у меня не было ничего! Ушел в аут...

– Они махнулись паспортами? Вот сучки, а?!

– Так что я жил с твоей Людмилой. И это не прикол.

– Нас с тобой просто затащили в постель. – примирительно заключил Репей. – А если ты вернулся, женился – воспитывай детей!

– Ладно тебе лечить-то. – огрызнулся Андрей. – У самого душа болит, как вспомню – трясет...

– Большие пацаны?

– Егору двенадцать. Никите десять...

– Самый сложный возраст!... А ты их бросил.

Вот он всегда был такой ядовито-жесткий и наглый, когда хотел кого-либо унижить.

– Никого я не бросил. – Терехов и впрямь ощутил предательское чувство виноватости и желание оправдаться. – Закончу работу, будут со мной... До следующей командировки.

Репей метнул полковша воды на каменку, тупо последил, как расходится жар.

– Дай-ка еще разок, гляну. – и потянулся к бумажнику. – Егор в каком месяце родился?

– Не дам! – Терехов спрятал бумажник. – А родился в сентябре, как положено...

Жора не настаивал, но выглядел как-то непривычно рассеянным и настороженным одновременно.

– Черт возьми!... Жил и не знал, что так все обернется... Махнутья паспортами! И другая судьба... Они в Новосибе живут?

– Закатай губешку, Репей! Поезд ушел...

Тот взял распаренный веник.

– Значит, так...

Сделать окончательное заключение ему не дал стук в дверь, и сразу же на пороге парной очутился старлей, его заместитель.

– Допросили задержанного, товарищ капитан!...

– Ну?... Докладывай, это свой. – кивнул на Терехова.

– Документов нет, но его сержант Рубежов опознал. – сообщил заместитель. – Владимир Зырянский, родом из Зырянновска, гражданин Казахстана. Местное погоняло – Зырян, Вова Черный и Опер. Когда-то опером в милиции работал...

– Не помню такого...

– Да у него еще отец – крупный ментовский начальник, в Казахстане.

– Костоправ, что ли?

– Костоправ! Все они здесь костоправы... В прошлом году только дважды задерживали за незаконный переход. По оперативным данным, нынче у него пятая или шестая ходка...

– И что, отпускали? – возмущенно спросил Жора.

– Ваша установка была – казахов выпроваживать без протокола. Только личность установить. Наряд устанавливал, докладные имеются...

Репьев покосился на однокашника, хотел что-то сказать гневное, однако спросил лишь грубовато:

– Зачем костоправ к нам опять прется?

– Да вы же знаете, он с тараканами, товарищ капитан. – охотно сообщил старлей. – Его за это из ментовки уволили. Он же у Мешкова в команде состоял. А шаман у него подругу отнял и себе в жены взял. Макута ее зовут, с Украины родом. Вот она, говорят, и в самом деле суставы лечит.

– Погоди, так у него сколько теперь жен?

– Вроде, три основных. Остальные любовницы. Впрочем, там трудно разобраться...

– Вот гад! – восхитился Жора. – У него есть одна медсестра, классная девка. Не помню, как зовут... Голос завораживающий, просто шаманка...

– Лагута. – подсказал зам.

– Верно, Лагута. До чего же хороша! И ведь идут за него, дуры!

– Это вроде бы тоже адекватная. И Макута – фамилия...

– Почему я не знаю про Макуту?

– Вы в отпуске долго были...

– Понятно! Надо к ней на массаж попасть. – Жора глянул на однокашника. – Шея у меня болит, остеохондроз. Показан южный, морской климат... Она хоть ничего лечит?

– Не пробовал, товарищ капитан. – многозначительно признался старлей. – Зырян от шамана ушел. Теперь сам водит клиентов через границу, будто на места силы. И руками лечит. Триста баксов с каждого лоха...

– Можешь не продолжать, – перебил Жора. – Заприте костоправа, утром разберемся. А эту третью жену ко мне. Найди предлог. Пропуска явно нет, с Украины... Как ее имя?

– Макута. Но это вроде фамилия...

- Завтра же эту Макуту в мою опочивальню!
- Заместитель глянул на Терехова и оправдался:
- Опочивальня, это рабочий кабинет.

Терехов уловил тонкую подоплеку их диалога, вспомнил про деньги, за которые опасался турист, и подумал, что впутался в некие понятные посвященным, отношения, возможно, тайный бизнес, существующий на заставе. Но это были чужие дела, встречать в которые Андрей не любил и в какой-то степени понимал Репьева: на получаемое денежное довольствие коттеджа на юге не построить, а квартиры не дожидаться. Да и от тоски по женскому полу тут загнешься, развлекаются ребята...

– Он какую-то Ланду здесь потерял. – вставил Андрей. – У которой был в чертогах. В бреду про черную сову Алеф молот, про окна.

- Кого потерял? – всколыхнулся Репьев и переглянулся со своим замом. – Какую Ланду? Андрей такой живой реакции однокашника не ожидал.

– Не знаю... Говорит, на коне здорово скачет. Еще черной совой называл, по имени Алеф. Она отравленными стрелами стреляет... Вроде как его возлюбленная.

Жора в лице сменился, скорчил злобную гримасу, но, может, и от жара.

- Как он узнал ее имя, гад?

– Какое имя?

– Ее знают здесь, как Ланду. Алеф – священное имя черной совы. Значит, он побывал в чертогах?...

Терехов ничего не понял.

- Это что, местный фольклор? – ухмыльнулся он.

– Местный. – отозвался Репей. – А так вообще-то Алефтина.

– Какая Алефтина?

– Не обращай внимания, – отмахнулся тот. – Я сам в именах запутался. Здесь местный шаман всем новых имен надавал, и знаешь, пристают... – пропел задумчиво и отстраненно. – Живет моя отрада в высоком терему. А в терем тот высокий нет входа никому...

– Ланда живет не в терему, а в какой-то башне. – поправил его Терехов. – Про нее и мой напарник вспоминал...

- Ты сам это слышал? – он слез с полка и окатил голову холодной водой.

– Про башню?

– Про Ланду! И про Алеф?

– Все уши прожужжал. Скоро сутки с ним вожусь!

– Представлю к награде. – вполне серьезно пообещал начальник заставы, но хотел сказать нечто другое. – Благодарю за содействие, получишь медаль.

– Мне что, "Служу России" кричать? – откровенно съязвил Терехов.

И тем самым словно вернул Репья к реальности. Он отправил вспотевшего зама прочь, после чего попытался реабилитироваться в глазах гостя.

– Кричать не надо. Значит, так: завтра цепляем кунг с полной начинкой. И солдата-срочника тебе даю, в помощь. С наукой надо дружить. Но чтоб за неделю все работы завершил и отчалил к любимым детям. А твоего туриста я разделаю по полной.

– Он деньги спрятал. – опять съязвил Терехов. – Хотя и с тараканами, но соображает.

– Не в деньгах счастье. – бездумно отозвался Жора. – Медаль получишь!

– Благодарствую, ваше благородие!

– Не ерничай, Шалапин. Вопросы?

– Вопрос гусарский: кто такая Ланда? Ну или черная сова Алеф?

Репьев хотел сказать правду. Она, эта правда, засветилась уже в глазах глубоким отблеском некоего мальчишеского искреннего чувства, однако в последний миг передумал, глянул мимо.

– Черных сов на свете не бывает.

– Оказываются, бывают! Сева Кружилин говорил...

– Не бери в голову... В самом деле местные легенды, фольклор. Новоявленные шаманы туристам мозги дурят. Объявили духом плата Укок. Кличек напридумывали...

– Посоветуй, как себя вести? Если встречу?

– Ты не встретишь. – уверенно заявил Жора. – Тебе мозги в училище вынесли. В наших черепках серый бетон, с арматурой из железной логики. Наши головы заточены под тупой пограничный столб с государственным гербом вместо физиономии. И логика у нас полосатая, бело-зеленая.

– Вот я и мыслю логически. – ухмыльнулся Терехов. – Если у мужиков случается похмельный синдром без спиртного, значит, пьянка была. Вопрос: чем их поили? И кто?

– Да ничем! – как-то обозленно бросил тот и постучал по своей голове. – Отсюда все! Эти мужики живут, как пьяные. А здесь трезвеют. Но трезвыми жить не умеют, вот и сходят с ума. Психика слабая.

На последних словах он будто провалился в некие гнетущие воспоминания – слегка покрасневшие от жара глаза, остекленели. Андрей сделал еще одну попытку разговорить однокашника отвлеченными размышлениями вслух.

– Кто-то же поймал и привязал. Бесплотный дух?

– Кого поймал? – Жора словно вынырнул и отдышался.

– Серую в яблоках.

– Алтайцы. – бросил он и вылил на себя таз холодной воды. – В верховье Ак-Алахи чабаны кочуют, с двумя отарами. Пошли спать. Сейчас смена нарядов, пусть бойцы погреться...

Сказал все это походя, между делом и на одной ноте, дабы скрыть свои чувства, чем еще больше распалил воображение...

4

Репей наверняка слышал все, о чем Терехов шептался со служителями в храме: акустика под сводами была великолепной. Слышал, но держался почти спокойно, с достоинством и смиренностью, как, должно быть, и полагалось послушнику, ушедшему от страстей мира в монашескую келью. И это вызывало уважение, даже несмотря на сложные личные отношения: Андрей понимал, что не смог бы вести себя, как сейчас Жора. Он продолжал показывать свой мужественный характер, как показывал его в училище, и впоследствии на Алтае. Поэтому скрыть его под серым балахоном оказалось невозможно, Репей был узнаваем не только по тембру голоса, к тому же, обращение по старому прозвищу выдавало в нем некий тайно бунтующий нрав.

– Здорово, Шаляпин.

Это погоняло Терехову дал когда-то именно он, Репьев, и не из уважения за его голос; скорее всего, он даже плохо представлял, как поет этот великий бас. Его привлекла разбитная, и в общем-то неблагозвучная фамилия певца, имеющая происхождение то ли от шляпы, то ли от шаляпы – размазни, не собранного, некудышного человека. Это уже Шаляпин своим талантом стер первоначальное значение и возвеличил ее так, что никто и не помнил, как в вятских краях называют растяпу.

– У тебя ничего не выйдет. – обреченно заключил Жора, точнее, теперь послушник Егорий, проходящий курс молодого бойца. – С венчанием не выйдет. Она не крещеная. Как ты встанешь с ней перед алтарем?

– Никак. – честно отозвался Терехов.

– То есть?...

– Я не собираюсь венчаться. – он не хотел особенно вдаваться в подробности. – Это необходимость, обязательное условие.

Казалось, Репья возмутили только пыльные ботинки Андрея – выше он не поднимал смиренного взгляда.

– Нацелился в Норильск? – угадал Жора. – А паспорта нет. К тому же она в розыске..

Или он освоил в монастырском карантине науку провидчества, или думал, согласуясь еще со старой, полученной в училище, оперативной логикой.

– В Норильск. – признался Терехов.

– Не успеешь.

Андрей глянул на него вопросительно и уловил нечто вроде ухмылки, скрываемой подросшей густой бородой.

– Там скоро снег выпадет. – пояснил Жора. – Если не выпал, и морозы...

– Поэтому и не до венчания...

– Тоже не получится.

– Почему?

Он бы сразу сказал, почему, но помешал нищий, пересчитавший брошенные ему монеты – верно, на бутылку пива не хватало. Осмелился, звеня медалями и волоча за собой ненужный костыль, подковылял к Андрею.

– Мужик, добавь два с полтиной? Ну чё тебе, афганцу жалко...

– Сгинь, бес паршивый. – вдруг прошипел Жора, и сразу стало ясно, что кроме физического труда его еще используют по назначению, как стражника. – И чтоб к забору на выстрел не приближался!

Нищего будто ветром снесло: оказывается, послушник был тут в авторитете, по крайней мере, среди побирušек. Репей понял, что погорячился, переборщил, запоздало спохватился и снова смиренно потупил взор.

– В Норильске погранзона. Без пропуска билетов не продадут.

Это прозвучал, как приговор.

– Почему погранзона? – обескураженно спросил Терехов.

Все же на миг показалось, он огрызается, злорадствует, поскольку ответ был далеким от участи человека, обреченного теперь на повиновение и послушание.

– По кочану.

– Вроде бы отменили? И город открыли!

– Вроде бы да. Но проверяют паспорта и требуют пропуск. Не видишь что в государстве творится? Вторая война на Кавказе, терроризм, захват заложников...

И опять, как с нищим, он спохватился, укротил бунтующий нрав и молча уперся глазами в землю. Показалось, эта его внезапная дерзость стала последней каплей, переполнившей чашу раскаяния. Он одернул балахон, как некогда гимнастерку, поправил шапочку на голове, и палец заученно попытался нащупать кокарду.

– Ты что, не знал? – уже будто бы участливо спросил он. – Всегда была зона, весь Таймыр... За месяц надо заказывать. Через месяц реки встанут, жизнь замрет... А ты обрадовался? Хотел с маху?...

Было совсем не понятно, чего больше в его словах – сожаления или злорадства. Его товарищ, с которым разбирали леса в храме, отнес трубы и встал поодаль, с интересом прислушиваясь, о чем они шепчутся. Не вытерпел, окликнул:

– Егорий, ну, пошли, что ли, брат?

Жора на него внимания не обратил.

– Тебе надо ее спрятать, до весны. Лучше до следующего лета. В надежном месте. Иначе погубишь.

Терехов ощутил толчок внезапной злости, смешанной с сиюминутным разочарованием.

– Где спрятать? – рыкнул он. – До лета...

– Верни на Алтай.

– Ага, сейчас. Едва оттуда вывез!...

– Хочешь встретить солнце на Таймыре? – с явной скептической издевкой спросил Репей. – Надеешься, поможет?

– Не твое дело! – бросил Терехов и пошел к монастырским воротам. – Сиди тут и замаливай грехи!

– погоди, Андрей. – Жора не отставал. – Что ты сразу?... Ну, прощу тебя, не уходи!... Я ведь ждал!

– Ждал? – на ходу огрызнулся Андрей. – Зачем?

– Знал, судьба нас просто так не разведет!

– Мне это не интересно....

И тут Репей забежал вперед и сначала пригнулся, будто хотел на колени встать, но передумал и выпрямился в штык.

– Прости, брат. Душа у меня еще не очистилась от скверны. бродит, мутит, как с похмелья. Но борюсь!... Я ведь и правда ждал тебя. Знал, когда-нибудь придешь. Мне перед тобой исповедаться надо.

Сказано было с таким внутренним содроганием и неожиданной искренностью, что Терехов ощутил прилив смешанного чувства – неприятия чужой боли и некой будоражащей, колкой энергии, источаемой от его слов.

– Не надо исповедей. – со скрываемым отвращением вымолвил он. – И так все знаю. Лучше молчи. Я тебе не поп!

– Но мне надо выговорить, выскresti все из души. – как то кисло пожаловался бывший храбрый капитан, сглотнул пустым горлом, прокатывая комок или шар по гортани.

Андрей же почему-то вспомнил, как они парились в бане на заставе и Жора глотал не жуя, варенные яйца.

– Слушать не хочу. – отрезал он. – И не могу.

– Твоя воля, брат. – покорно согласился однокашник. – Ждал, думал, выслушаешь...

– У тебя, наверное, есть, кому слушать!

– Есть. – согласился новобранец Егорий. – Только я хотел сказать... То, что никому не смогу сказать, даже духовнику. Но ты справедливо меня осадил, благодарствую. Во мне еще столько грязи, обиды! Которая не отстоялась, не вызрела, как грязь...

– С какой стати в Норильске погранзона? – умирняя кипение чувств, спросил Терехов. – Мне сказали, открытый промышленный город...

Жора пожал плечами.

– Весь Таймыр – особая зона. С севера у нас граница почти не прикрыта.

– Не было печали... И что посоветуешь?

– Не посоветую – помогу. – вдруг с готовностью заявил однокашник. – Ты женитьбу затеял, чтоб паспорт поменять?

– Ну.

В голосе его все-таки послышалось облегчение.

– Так и понял... Только в милицию с обменом не суйся. Ее сразу арестуют, она во всех розыскных базах забита, я проверял. Найди надежного человека в МВД, и через него, за деньги... У меня есть один продажный лакей!

– Уже нашел, дальше что?

Жора поплутал взглядом по монастырскому двору, испытывая явное желание посмотреть однокашнику в лицо.

– Смотри, чтоб не обманули. А то и бабки получают, и сдадут потом.

– Как сделать, чтоб не сдали?

Он помедлил, разглядывая ботинки Терехова и вроде бы даже усмехнулся.

– Наивный ты человек, Шаляпин. Может, у тебя что-то и получится с Таймыром. Ты чище меня...

И осекся, вспомнив, что обещал избавить однокашника от исповеди. Наверное, он нарушал монастырские правила и этикет, учил мирского человека дурному, однако в армии курс молодого бойца потому и назывался карантинном, что там выявлялись и лечились все болезни, и не только физические.

– Снимай на телефон, на диктофон пиши все разговоры. – со вздохом сожаления заговорил Жора. – Прямо в наглуую, без стеснения, чтоб искушений не было. Хотят бабок – поймут и стерпят. Такой у них бизнес.

Терехов пожалел, что сам не догадался сделать этого с паспортистом, хотя привязать его на короткую цепь еще было можно, когда придется передавать фотографии, потом свидетельство о браке и отдавать всю сумму окончательного расчета.

– И будь осторожен, никому не доверяй. – продолжал учить послушник, напрочь забыв где находится и в каком он теперь положении. – Если проколешься на каком-то этапе, за тобой установят слежку, оперативное наблюдение. Почаще отслеживай хвосты. Но могут подослать хорошего знакомого, даже лучшего друга перекупить.

– Моего друга не перекупить. – заверил Терехов, думая о Мишке Рыбине.

– Запомни: поймают на криминале и перекупят с потрохами! Кому сидеть охота?... На встречи не подъезжай на машине, лучше брось за пару кварталов. Иди пешком и с оглядкой.

Теоретические зачатки конспирации им втолковывали еще в Голицинском погранучилище КГБ, Терехов много что помнил и слушал с неохотой.

– А что с пропуском в зону? – уже без всякого стеснения спросил он. – Месяц ждать не могу. Связи остались?

– Сейчас за территорию нельзя. – Жора с тоской поозирался, – Без благословения... После вечерни заступлю на службу. И пойду в самоход... Тут дисциплина – Голицино отдыхает.

– Возьми телефон!

– Святая простота... Такие вопросы с глазу на глаз! Она же в розыске, понимаешь? Сто-
рожки расставлены всюду. В авиакассах, на вокзалах...

– Пропуск нужен завтра к вечеру. Ее имя теперь будет Терехова Алевтина.

Сказал об этом умышленно, чтобы досадить, усть, но Репей укрепился в монастыре,
хорошо держал удар – даже не дрогнул и только спросил:

– Она-то хоть знает?

– Придет время – узнает. – отмахнулся Терехов.

– Правильно, с ней так и надо. Паспортные данные впишешь сам.

И как-то резко, без всяких слов, отстал, будто выпрыгнул из лодки на берег. А Терехов
напротив, выйдя с монастырского двора, оказался в водовороте. Позвонил бракодел и просил
срочно приехать в ЗАГС, где его ждали, и уже с банковскими чеками о переводе денег. Он
пересчитал наличность, и оказалось, не хватает, запросы устроителей семейного счастья были
не хилые, и пришлось заезжать домой. И тут, после нравоучений послушника Егория, Андрею
показалось, что у подъезда вертится соглядатай: пенсионного вида серый человек с газетой.
Может, какой сосед греется на солнце бабьего лета – Терехов почти не знал жильцов дома
из-за вечных командировок, а может и шпион, ибо смотрит в газету и одновременно стрижет
по сторонам острыми глазками. Пока сидел в машине и отслеживал его поведение, позвонил
паспортист и поторопил с фотографиями, чем еще больше насторожил. Почему именно в это
время, когда он заехал на квартиру?...

Тоскливое, сосущее чувство завертелось под ложечкой. Однако напоминание о фото
подвигло Терехова не тратить время на конспирацию и не поддаваться липким, шизофрени-
ческим мыслям. В квартиру он не пошел, оставил машину во дворе и побежал сначала в фото-
салон на углу. Скучающая без работы джинсовая девица преспокойно его выслушала, ничему
не удивилась – даже тому, что снимать придется в полутемной комнате и без вспышки, потому
как у женщины светобоязнь. Назвала цену услуги, взяла какой-то аппарат с мощным объекти-
вом и заперла двери своей кандейки.

– Я готова.

В тот момент его это не насторожило, и лишь у подъезда, когда он вновь заметил пен-
сионера с газетой, вдруг подумал, что ведет в дом, к Алефтине, совершенно незнакомого, не
проверенного человека. Навязчивая мысль, заложенная Репьем и приставшая, как репей, под-
толкнула воображение, но отступать было поздно. Он галантно взял фотографа под локоток,
отворил дверь и ввел в квартиру.

Ничего не подозревающая невеста чувствовала себя хорошо только в глухой, без окон,
ванной комнате, где снимать было невозможно, поэтому он постучал и отворил дверь.

– Нужно сфотографироваться на паспорт. – сказал в темноту.

Она все видела, точно нашла его руку и опустив завесу паранджи, покорно вышла в кори-
дор. Терехов завел ее в полутемную комнату и посадил на стул.

– Придется снять маску и включить свет. – предупредил он.

– Нет, только маску. – поправила девица, глядя на клиентку равнодушно. – Я сниму и
вытяну в фотошопе. Подержите экран за спиной.

И раскрыв, как зонтик, вручила его Андрею.

Щелкнула всего один раз, и даже не глянув на монитор аппарата, забрала вещички и
ушла. Терехов не удержался, подбежал к окну и отвернув брезент, проследил, как она выйдет
из подъезда. Вышла спокойно, однако пенсионер вскинул голову на дверной стук, посмотрел
и, спрятав газету в пакет, побрел в противоположную сторону.

Вот и гадай, совпадение это или впрямь слежка? Может, пошел топтать девицу, отраба-
тывать контакты?...

Тем временем Алефтина скрылась в своем убежище, а Терехов открестился от назойливой подозрительности, выгреб из тайника всю наличность, в том числе, деньги, отложенные на дорогу и покупку снегохода, запер квартиру и снова побежал в фотосалон. Через десять минут в его руках уже было шесть снимков на паспорт: у невесты оказалось совершенно спокойное лицо и нормальные, широко открытые глаза – подправила в фотошопе. Однако Андрей поехал сначала в банк, потом в ЗАГС, и тут опять ощутил приступ мании преследования. На сей раз молодой парень томился возле брачных ворот, вроде бы слушал музыку через наушники, но сам стриг глазами, обшаривая всех, приближающихся к заветной двери. Можно подумать, невесту ждет, например, заявление подавать, однако заметно, сечет за мужчинами, и иногда достает из внутреннего кармана какую-то бумажку, вроде фотокарточку. Терехов понаблюдал за ним из машины, и уже когда почти убедился – слежка! – парень неожиданно спрятал наушники и ни с того, ни с сего набросился на другого. Драка завязалась жесткая, стремительная, явно с соперником, охранник на воротах бросился разнимать, и Андрей под шумок, облегченно и свободно, вошел в заветные ворота.

Фиктивный брак заключали в отдельном, узеньком, похоже, архивном кабинете и в деловой обстановке. Тетушка в старомодном беретике приняла банковские чеки, взяла паспорта и не глядя, точно развернув нужные страницы, вляпала штампы. Потом молча и от руки выписала корочки свидетельства о браке, поставила печати, однако вручила с язвительной торжественностью, должно быть, в душе брезгуя ролью продажной чиновницы или напротив, восхищаясь своими возможностями.

– Поздравляю! С законным браком!

– Спасибо. – серьезно произнес Терехов, испытывая желание чем-нибудь отомстить, только не знал, как и чем.

Но у порога, пряча документы в карман, вспомнил об осторожности и конспирации, открыто достал телефон и сфотографировал тетушку.

– Это на память, мадам. Чтоб невесте показать.

И оставил ее в недоумении, с возмущенно вытянутым лицом и съехавшим беретом.

5

Кунг сняли со списанного "Урала", закрепили на шасси от тракторной телеги, утеплили цветным войлоком и начинили так, что можно было жить зиму, как на даче. Главное, есть стационарная радиостанция, импортная электростанция и даже биотуалет с умывальником, который превращался в душевую кабину. Это не считая газовой плиты, набора посуды, запаса дров в специальном ящике и еще много всякой бытовой всячины до обязательных обувных щеток и обилия солдатского крема: у Жоры был культ блестящей обуви. Даже российский флаг трепетал на крыше! Репей похвастал, дескать, снаряжал для себя, как передвижной пост и на рыбалку ездить, но для старого друга ничего не жалко.

Статус Терехова рос на глазах, щедрость однокашника стремительно повышалась и зашкалила, когда он отдал в подчинение двух погранцов-контрактников, сержанта и солдата, при полной амуниции и вооружении. Приказ звучал так: в дневное время они выполняют топографические работы под началом Терехова, но об этом никому ни звука. В ночное поочередно несут службу по охране "ученого", патрулируют и контролируют приграничную запретную зону с Казахстаном, а заодно скручивают в бухты старую колючую проволоку разрушенных запретных зон, поскольку чабаны жалуются, овцы животы вспарывают.

И всячески уточнял – неделя срока!

– Ну, ты доволен, Шаляпин? – Репей сам тащился от своего великодушия. – Говори, что еще надо, чтобы выполнить задачу? И отбыть на зимние квартиры?

– Такое ощущение, избавиться от меня хочешь! – засмеялся Терехов. – Чтоб не маячил на вверенной тебе, границе.

Сказал так бездумно, однако потом, по пути в верховье Ак-Алаха, зацепился мыслью и уже осознанно сделал такое же заключение. Щедрость Репьева ничем иным объяснить было невозможно. Даже сам провожать вышел за ворота, чуть ли не платочком помахать и слезу утереть. В это время и подошел к нему конюх Мундусов с рыжей, загнанной лошадей в поводу. Намертво уставший, сам словно запалённый, солдат был выкатан в жидкой грязи напополам с травой, поэтому с него текло, как с половой тряпки. Не взирая на это он невозмутимо доложил начальнику заставы, что серую в яблоках поймать не удалось. И показал разорванную узду, мол, в руках держал, но упустил по этой причине.

– Что с тобой? – хмуро спросил капитан, готовый взорваться.

– Падал. – односложно сказал конюх.

– С коня падал?

– Хозяин уронил, по земле катал...

Репей спрятал гнев под носовой платок, хотя насморка у него не было.

– Приведи себя в порядок. – приказал он. – Возьми свежего коня и езжай! Чтоб к вечеру кобыла была в стойле. И не только кобыла – гнедой жеребец! Моему другу придется сдавать арендованных лошадей. А их нет в наличии!

Благородство не сказанное – в друзья записал!

Солдат вдруг встал перед капитаном на колени и что-то сказал по-алтайски – будто прощения просил, клялся или каялся – не поймешь.

– Ты мне брось эти свои обычаи! – прикрикнул Репьев. – Отвечай, как положено. Ты можешь найти коней, я знаю. Если захочешь. Можешь ведь?

– Духи коней взяли. – Мундусов вскочил на ноги. – Обоих коней взяли! Назад не дают, товарищ капитан.

– Опять у тебя духи?!

Конюх произнес фразу на алтайском и тут же перевел:

– Хозяин пришел. Хозяин дна земли встал!

– А ты забери! Ты сам хозяин тут. Боец и пограничник. Короче, иди, договаривайся с духами.

– Есть! – сказал конюх.

– Удивительный народ. – как-то многозначительно проговорил Репьев, провожая взглядом солдата. – У них везде свой хозяин... Но не бойся, этот в доску расшибется, а приказ выполнит. Сейчас уйдет в степь и начнет камлать! Кони сами придут... Стой, чуть не забыл! Меня в Новосиб вызывают, на пару дней. Может, что передать? Гостинец, например, сыновьям?

– Ничего не нужно передавать. – выразительно проговорил Терехов. – И вообще, они сейчас в подмосковье, у дедушки.

Тот намек понял, и жесткость пожелания уловил, попытался оправдаться:

– Это так, ностальгия... Давай, трогай, Шаляпин! Поеду проверять наряды – заверну.

И даже по братски приобнял, после чего достал баранку из кармана и стал жевать.

Погранцы заскочили в кабину "Урала", а Терехов поехал, как барин, в кунге, в мягком плавающем кресле, возле топящейся чугунной печки, для безопасности обнесенной поручнями из нержавеющей стали. Век бы так жить! Только от тряски и качки зашаталась импровизированная барная стойка, которую использовали еще вместо посудного шкафа и стола. Репьев остался возле ворот, то ли сморкался, то ли впрямь ностальгические слезы вытирал, при этом глядя на дорогу. Если Жора не задумал побыстрее избавиться от нежелательного соседства, то с однокашником творились чудеса!

Кунг потащили сразу на новое место, ближе к монгольской границе, под заснеженный горный хребет, где было еще холоднее. Солдаты приспустили колеса, подложили камни, после чего поехали забирать палатку и экспедиционное имущество. Едва Андрей остался один, как внезапно увидел кобылицу! Глазам не поверил, схватил бинокль: серая преспокойно паслась возле озера, в полукилометре, уже без узды и седла. С уздой все было понятно, Мундусов порвал, видимо, пытаясь удержать за повод, но освободиться от кавалерийского седла с двумя хорошо затянутыми подпругами сама кобыла никак не могла! Если конюх расседлал, то зачем? И почему не сказал? Впрочем, докладывал в спешке, может и забыл...

Испытывая охотничий азарт, Терехов перерыл хозяйственные ящики в кунге, и случайно отстегнул фиксатор убирающейся в нишу, кровати. Из стены выпала не узкая солдатская койка – мягкое брачное ложе и само разложилось во всю ширь пространства, от стены до стены! Довольно строгий армейский вагончик превратился в спальню, в дамский будуар с зеркальной стенкой, спрятанной в нише. Не службу нести готовился этот кунг, и не на рыбалку ездить – скрашивать походное существование подруг начальника заставы, ни одна из которых так и не стала его верной офицерской женой. Показалось, от кровати еще навеивает тонким запахом женщины, каких-то очень знакомых духов, хотя изобретение какого-нибудь солдата-умельца давно не отстегивали, не раскладывали, поэтому поднялся столб пыли.

Он даже забыл, что искал и на какой-то миг стало жаль однокашника – вот же не везет мужику! Но вспомнилось училищное прошлое, прыжок из окна, и вместе с тем невероятное трудолюбие, индивидуализм и всякую жалость будто кислотой разъело: этот не пропадет и своего добьется.

Сама кровать была собрана из мягких толстых подушек, которые Андрей достал и с помощью полена выхлопал, приоткрыв дверь. В одной из них он нащупал какой-то тонкий пакет, спрятанный под обшивкой, и когда расстегнул замок "молнию", обнаружил пластиковую папку с карандашными и акварельными рисунками. Рассматривать их было некогда, Терехов, сложил и убрал в нишу кровать, оставил папку на барной стойке и после чего все-таки случайно нашел, что искал: моток скалолазного каната. Заарканить лошадь с большого расстояния, как это делают алтайцы или ямальские оленеводы, он не рассчитывал, поэтому сделал петлю, спря-

тал аркан под куртку, взял с собой кусок свежего солдатского хлеба, посыпал солью и пошел к озеру.

Серая заметила его и перестала щипать вытаявшую, зеленую траву, словно поджидала и, судя по всему, убежать не хотела. Андрей сбавил шаг, заговорил ласково, протягивая хлеб:

– Ах ты, красавица! На-ка вот – любишь?... Ах, умница! Конюха в грязи изваляла!...

Кобылица подпустила его шагов на пять, потянула носом и даже трепетными губами заперебирала от предвкушения. Однако, как и прошлой ночью, резко встала на дыбы, развернулась и с места взяла в карьер. Отбежала не далеко метров на полтора, и словно заманивая, встала к Терехову передом и призывно заржала.

– Нет, ты стерва. – он выбрал сухой камень, сел и машинально откусил хлеба. – Думаешь, бегать за тобой буду? Сама придешь!

Кобылица взошла на плоский курган, тот самый, месторасположение коего надо было уточнить на карте, и замерла, как изваяние. Холодный ветер с заснеженных гор трепал хвост и гриву, казалось, низкие, рваные тучи достают ее головы, в воздухе опять запахло зимой. Андрей положил хлеб на камень и направился к кунгу. Шел с оглядкой, серая все еще стояла в прежней позе, но в какой-то миг обернулся – курган был пуст. Желтоватое плато без лошадиной статуи сразу же сделалось тоскливым и безжизненным, а синее озеро налилось белесой мраморной мутью. Вероятно, кобылица спустилась в болотистую низину, за которой тянулась каменная гряда, где значился еще один объект топольемки – древние рисунки, наскальная живопись.

В это время на горизонте появился "Урал", солдаты перевозили экспедиционное имущество с предыдущей стоянки. Пока Терехов шел к кунгу, тренировался метать аркан, и с трех-четырёх метров совсем не плохо получалось набрасывать его на торчащие из земли, камни. Важно было точно рассчитать расстояние, чтобы канат развернулся и петля накрыла цель. Пограницы за это время успели разгрузить и отправить машину на заставу, теперь сидели и ждали следующего приказа.

Репьев поставил жесткие сроки: ровно через сутки грузовик должен был прийти чтобы перетянуть кунг на новую точку. Поэтому за остаток светового дня и завтрашнее утро следовало инструментально привязать все пять археологических объектов, разбросанных по округе. Прикомандированные тридцатилетние контрактники оказались сообразительными, и хоть теодолита прежде никогда не видели, понятие о картографии имели по долгу службы. Главное для них оказалось правильно поставить задачу. Сержант носил фамилию, из-за которой наверняка и попал в пограничники – Рубежов.

– Мы твердолобые. – предупредил он, убежденный, что имеет дело с ученым человеком. – Вы нам растолкуйте, что делать. А то мы умеем только быстро бегать, стрелять и ломать кости.

– А танцевать? – спросил Терехов.

– При чем здесь танцы? – опешил сержант.

Во всем чувствовалось Репьевское воспитание: тот говорил примерно так же, если речь шла о том, что должен уметь настоящий вояка. Однако явно скромничали, поскольку второй пограниц, рядовой Елкин, довольно скоро отыскал на местности геодезический пункт – особый знак, оставленный предыдущей топольемкой и работа началась. Бегали они и в самом деле хорошо, причем, опасались оставить оружие в кунге и носили автоматы за спинами, подсумки и штык-ножи на ремнях и ничуть этим не тяготились. Просьбы исполняли безукоризненно, в чем тоже ощущалась Жорина подготовка и желание все делать лучше других. Терехов наказал почаще осматриваться и сообщать, если заметят серую лошадь, сам он видел окружающее пространство больше через трубу теодолита, да и то перевернутым. К вечеру они завершили уточнение координат как раз тех объектов, что были у озера и где Андрей пытался поймать лошадь, однако кобылица исчезла. Он решил, серая ушла низиной к Ак-Алахе, но заметил одну странность: сначала отчетливо слышал тихое ржанье ибряканье кованных копыт о камни, потом

случайно обнаружил, что оставленный на камне, хлеб съеден. Пять минут назад лежал, а тут нету, да еще и просыпавшаяся соль вылизана, отчего остались влажные следы, не успевшие просохнуть. Полное ощущение, что кобылица стала невидимкой или передвигается ползком между камней; в любом случае бродит где-то рядом и точно выбирает время, чтобы не показываться на глаза людям. Увлеченный работой, он мог и не заметить ее, но зоркие пограничники бдели и были на страже.

– Лошадь не видели? – недоуменно спросил их Терехов.

– Лошадь не наблюдаем. – был ответ. – На горизонте появились козлы.

– Какие козлы?

– Горные. – сержант Рубежов указал на ближние скалы. – Козероги. В пределах досягаемости прямого выстрела.

– Это бараны. – не согласился рядовой Елкин. – То есть, архары. Товарищ ученый, свежатинки хотите?

– Этот район плато объявлен зоной покоя. – строго напомнил Андрей, хотя не прочь был поесть свежатинки.

– Нам стрелять разрешено. – со скрытым сарказмом заявил Рубежов. – Мы защищаем рубежи нашей Отчизны.

Ближе к вечеру начал подниматься туман и съемку пришлось свернуть, что вызвало протест бойцов, мол, не темно же, еще часа три можно работать. Терехов объяснил им, что такое оптика атмосферы и какие из-за нее происходят погрешности. Бойцы выслушали молча, взялись готовить ужин, а он прихватил армейский тепловизор и пошел осматривать окрестности. Лошадь сквозь прибор он обнаружил почти сразу – паслась там же, у озера, где и днем, только вот в зеленом изображении на экране нельзя было в точности опознать серую в яблоках. Ветер утих, но из низины наносило лохмотья тумана, иногда делая мир однообразно зеленым.

Андрей взял аркан, покидал на прицепной шкворень кунга, чтоб набить руку, затем засек точное направление, выключил прибор и стал приближаться к озеру, пытаясь сморгнуть запечатленную зелень экрана. И почти избавлялся от нее, но чтоб не сбиться, приходилось вновь включать тепловизор и получать новую, более яркую дозу излучения. Кобылица по прежнему щипала траву, изредка встряхивала головой и замирала с настороженными ушами – должно быть, выслушивала ночное пространство. Приблизившись к ней шагов на сто, Терехов подождал, когда с белых, заснеженных гор сползет туча, накроет звезды, и далее пошел смелее. Серая паслась на месте, а он помнил науку старшины еще со срочной службы: когда все травоядные щиплют и пережевывают траву, становятся глуховатыми. Пища отнимает слух и самих делает пищей для хищников. Поэтому он подкрадывался теперь, как к поющему глухарю: едва кобылка скидывала голову – замирал. От тепловизора в глазах стало зелено, мир словно перекрасился и сморгнуть это свечение сразу было невозможно. Лошадь уже просматривалась и без прибора, но она тоже была салатного цвета с крупными ярко-зелеными яблоками, а сверху еще прикрыта дымчатым туманом, словно попоной. Терехов подходил с подветренной стороны, низкая облачность и вовсе погасила небесный свет и звуки, сделала пространство каким-то нарисованным, однотонным. Шорох конских губ и треск срываемой травы будто не совпадал с движениями – отставал на полсекунды, вызывая ощущение нереальной сдвоенности мира.

До кобылицы оставалось метра три и уже без тепловизора ощущалось наносимое тепло крупного животного. В это время ему и почудился конусный луч, выходящий из лба лошади, явно возникший в глазах под воздействием свечения прибора, поэтому он внимания на него не обратил. Расправил веревку, изготовился и стал ждать момента. Едва серая приподняла голову, Терехов метнул аркан, не взирая на этот призрачный рог.

И тут произошло невероятное: лошадь резко сдала назад, норовя уклониться, и сразу же прыгнула в бок. И показалось, этот бесплотный луч помешал, не позволил заарканить кобылицу за шею. Петля вроде бы не долетела до головы, а словно захлестнулась на лучистом роге,

но при этом Андрей ощутил мощный рывок – даже шея хряснула, а потом аркан натянулся в струну. Он машинально уперся ногами, сдерживая рвущуюся кобылицу, затем перебирая канат, подтянулся к ней так близко – мог бы рукой достать. Или накинуть на шею другой конец аркана, повиснуть на морде, смирить, вынудить повиноваться человеческой воле. Однако в следующий миг где-то рядом трубно заржал жеребец, послышался отчетливый набегающий топот копыт по гремучему щебню. Кобылица отозвалась жалобным голоском, резко мотнула головой вниз – словно поклонилась, тугая крепчайшая веревка порвалась и будто разорванная резина, стеганула по лицу. В глазах полыхнуло красным и на минуту все исчезло.

Пока Терехов переживал боль и промаргивался от потока слез, обе незримые лошади носились по кругу и перекликались торжествующими, звучными голосами. Они будто надсмехались, куражились над неудачливым ловцом, и Андрей в тот миг вспомнил конюха-алтайца, выкатанного "хозяином дна земли" в грязи и траве, будто в смоле и перьях. И вдруг серьезно подумал, что еще легко отделался.

Потом уже, в кунге, при электрическом свете, он осмотрел аркан – петля была словно ножом отрезана, а канат выдерживал тонну! Дабы не привлекать внимания солдат, Терехов спрятал веревку, однако они все равно узрели результаты щелчка по лицу. Когда он отстегнул царское ложе и заглянулся в зеркало, глаза оказались красными, а на спинке носа длинная ссадина.

Погранцы строго исполняли приказ: после ужина рядовой Елкин лег спать, расположившись в спальном мешке на полу, в узком пространстве за импровизированной барной стойкой, а сержант оделся в бушлат, покрыл плечи плащ-накидкой и зарядив автомат, отправился в дозор. Физиономию Рубежова Терехов запомнил хорошо: именно он укладывал его в грязь лицом, когда задерживали "нарушителей", поэтому и сейчас чуял неприязненное к нему, чувство.

– Там кони ходят, – на пороге предупредил Терехов. – Не вздумай стрелять на звук.

– Знаю. – самоуверенно обронил Рубежов. – Увижу – пригоню.

На ложе начальника заставы спалось по-царски, шея не затекла, ни один суставчик не заныл, как бывало на утро в палатке. Проснувшись, Андрей забыл даже о вчерашней попытке поймать серую, но едва разлепил веки, как ощутил резь, веревкой попало по глазным яблокам, особенно по рабочему правому, который припух. А глаза для геодезиста, тот же оптический инструмент! Он встал, тщательно промыл их под умывальником, но все равно предметы двоились и расплывались радужной отторочкой. Было уже светло, оба солдата спали в своей конуре, в обнимку с автоматами, поэтому Терехов на цыпочках вышел и осторожно притворил за собой дверь.

От яркого уличного света сразу же потекли слезы и поплыли темные пятна: если к обеду не проморгаешься, еще один ясный день потеряян! Он вернулся в кунг, отыскал в рюкзаке темные очки, давно заброшенные за ненадобностью, и смотреть стало чуть полегче, по крайней мере светобоязнь пригасла, но глаза слезились. Немного обвыкнувшись, Терехов попытался еще раз осмотреть аркан, но все двоилось. Он зашел в кунг за лупой, однако солдаты от его хождений все-таки проснулись, рядовой уже стоял у плиты, сержант чистил обувь.

– Вопрос на сообразительность. – сказал им Андрей. – Кто определит: канат оторвали или отрезали.

Сержант Рубежов поднес конец веревки к свету и осмотрел.

– Отрезали. – заключил тоном следопыта. – Очень острым ножом или опасной бритвой. Концы нитей не размочалены.

Рядовой Елкин вытер руки о белый фартук и тоже уставился на веревку.

– Отрезан. – подтвердил он. – Только не ножом и не бритвой. А чем-то типа лазера, причем, мгновенно.

– Ладно тебе, лазером. – ухмыльнулся мрачноватый сержант. – Вы Елкина не слушайте, он наговорит...

– Ты пощупай! – посоветовал Елкин. – Русский глазам не верит, ему щупать надо. Канат на срезе твердый. Капроновые нити мгновенно оплавилась и застыли.

В пограничники дураков по прежнему не брали, и это было отрадно. Терехов пощупал – место обрыва и впрямь слегка затвердело, мог бы и сам догадаться.

Он достал нож и тут же отрезал другой конец каната – срез был мягким, шелковистым...

По глазам солдат понял: все видят, понимают, но лишних вопросов не задают.

– Ну и кому мне верить?

– Своим глазам. – многозначительно заметил рядовой Елкин и встал к плите. – Здесь только этому и можно верить.

Чем сразу как-то расположил к себе, тем паче, звали его Андреем, то есть, тезка.

– У меня в глазах двоится. – признался Терехов.

– Еще бы. – обронил Рубежов. – Тут у всех двоится...

Видимо, они обсудили вчерашнюю ловлю лошади и пришли к некому своему заключению. Но выдавать свои домыслы не хотели.

– Не проморгаюсь, день актируем. – Андрей открыл дверь.

– Это как? – не понял сержант.

– Отдыхаем...

Погранцы переглянулись, но восторга не проявили.

Терехов пошел к озеру, где вечером паслась кобылица, и насколько смог, осмотрел все вокруг. Ни на траве, ни на камешнике никаких особых следов поединка он не нашел, отпечатков копыт вокруг было множество, и ему не грезилось вчера, что лошади носились вокруг него. Сырая, зеленая трава ближе к озеру была выбита большим полукругом, который не терялся даже на крупном щебне широкой высыпки, подернутой лишайником. Андрей прошел рядом с этой тропой и нашел то, что искал – петлю от аркана. И потому, как она была отрезана возле самого узла, стало понятно, что вчера он и впрямь набросил ее на что-то тонкое, толщиной в руку – уж никак не на лошадиную шею.

На конце веревки так же ощущался затвердевший ожег...

Это никак не укладывалось в голове, поэтому Терехов старался не думать, как и чем пересекли аркан. Ответ мог быть самым простым, например, из-за свойств химволокна, из которого свит канат, при резком и сильном натяжении может произойти мгновенный разогрев. Явление известное: при текучести материала температура в зоне разрыва резко повышается. Это касается стальных тросов, но вот к веревкам относится это или нет?

День и впрямь пришлось активировать: Андрей специально поставил теодолит на треноге и заглянул в трубу. Обе части сдвоенного мира допускали слишком большую погрешность. Погранцы заметили его опыты и предложили свои глаза, мол, если научить, как измерять эти злосчастные углы, считывать показания по верньерам, то под чутким руководством мы смогли бы... Терехов этот лепет и слушать не стал, а к обеду на стоянку завернул "Урал", дабы перетаскать кунг на новое место – пришлось дать отбой.

Терехов заварил крепкого чая, после чего слегка отжал нифеля, завернул в бинт и наложил на веки. Говорили, помогает от глазных болезней, особенно, если насмотришься на сварку. Прележал час и не заметно уснул – натопленный кунг и кровать располагали. Проснулся уже затемно и в поту, служивые дров не жалели и перестарались. Заварка хоть и не вернула зрение, однако глаза начали гноиться и почти исчезла светобоязнь. Погранцы заступили на службу, то есть, рядовой спал, сержант ушел в дозор, и, вероятно, забрал с собой тепловизор.

Андрей не собирался искать лошадей, хватило вчерашнего опыта, хотел проветриться на улице, благо ночь выдалась звездная, тихая и с морозцем. Он отошел от кунга на сотню метров, когда из-за горы выкатилась луна и расчертила плато длинными, редкими тенями. В

такую минуту хотелось замереть, дабы не нарушать редкостного покоя на плато. И вдруг среди замерших теней появился частокол движущихся, и Терехов догадался – идут два коня, один за одним! Причем, глазом самих не увидеть, мешал призрачный лунный свет, вызывая резь в глазах, но тени от восьми ног четкие и два колеблющихся пятна над ними.

Он присел, затаился: лошади бесшумно двигались наискосок, в сторону кунга, словно предлагая еще раз погоняться за ними. Луна поднималась быстро, тени укорачивались, становились контрастнее, да и расстояние до лошадей сокращалось. Оставалось шагов двадцать, когда Андрей внезапно увидел, что тень впереди идущего коня имеет длинное и острое продолжение – всадник! Очертания его колыхались на неровностях земли, но отчетливо выделялась голова в некоем островерхом, как буденовка, шлеме, плечи и даже руки. Фигура казалась богатырской!

Лошади уже были совсем близко, однако из-за луны оставались пока что незримыми и шли бесшумно. Однако угол освещенности быстро менялся и вдруг словно серебро в темноте засветилось – заиграли переливчатые отблески черной шерсти! Всадник ехал впереди на гнедом! А мутная, призрачная серая в яблоках шла за ним, словно привязанная. И еще напахнуло острым, весенним запахом ландыша! Который тут не встречался, да и цвести в это время никак не мог. Еще бы несколько секунд, и тот, кто оседлал жеребчика, выехал бы из-под слепящего лунного света, предстал бы во всей красе, но в этот миг из-за кунга с шелестом взлетела красная ракета, И чуть позже послышался хлопок.

Андрей вздрогнул от неожиданности, тени забегали, завертелись, и в этой мешанине он потерял лошадей. Остался лишь едва уловимый запах ландыша. Скорее всего, кони резко повернули назад – эхом откликнулся глухой, удаляющийся топот по заиндевело, но еще мягкой земле.

6

Терехов проводил взглядом угасшую ракету и побежал к вагончику, вспомнив, что красный сигнал – тревога на границе, прорыв или проникновение. Пока бежал, рядовой Елкин успел запустить электростанцию и включить прожектор над входом.

– Что стряслось? – спросил Андрей.

– Ничего. – спокойно отозвался тезка и закурил. – Командир просил обозначить место.

– А почему красная?

– Зеленых нету. А этих куча...

– Заблудился, что ли командир?

Елкин умыльнулся.

– Вроде того....

– Службу проверяет? – будто между прочим спросил Андрей.

– Да ну... Судьба у нашего командира такая. Как полнолуние, так бессонница. Садится верхом и поехал. У него и погоняло...

Недоговорил, сообразив, что болтает лишнее. Догадаться, каким прозвищем наградили его солдаты было не трудно...

– К нам-то заедет?

– Кто его знает. – Елкин зарядил ракетницу. – Пути начальника неисповедимы.

И выстрелил в звездное небо.

Терехов полюбовался ракетой.

– Долго палить будешь?

– Каждые десять минут, пока не поступит команда. – тезка зябко поежился – выскочил из натопленного помещения в летнем камуфляже. – А что? В любом случае полезно! Дозорные не спят и враги боятся. Прется, к примеру, шпион, вдруг красная ракета!...

– Иди оденься. – наставительно сказал Терехов. – Простынешь.

Тот послушался, заскочил в кунг и скоро вышел в бушлате и раскладным брезентовым стульчиком.

– Присаживайтесь. – и поставил к колесу. – Вы-то днем выпались, а мой сон накрылся. Через час в дозор...

– Давай я постреляю. – предложил Андрей. – Ты ложись.

Эта его готовность понравилась Елкину, но он помнил службу.

– Не положено. У нас в волчьи дни вся застава бодрствует.

Хотел еще что-то добавить, но из природной скромности опять посчитал лишним.

– Почему волчьи?

– Полнолуние, волки воют. – сдержанно пояснил Елкин, задавливая желание поговорить. – Тут их много. Но вот слышите вой?... Нет. На луну только наша застава воет...

Опять поймал себя за язык и умолк.

– Сколько служишь? – спросил Терехов.

– Срочную на границе. – рядовой немного расслабился. – В одном отряде с Рубежовым. Он из-за фамилии на границу попал. но был музыкант. На дудке играл, в оркестре, а я через день на ремень... А тут с девяносто третьего, как эту мерзлую шаманку из кургана выкопали...

– Так вы после срочной на контракт пошли?

Елкин помялся, заговорил с сожалением:

– Нет... Гражданская жизнь, прямо сказать, не поперла. А хотели весь мир окучить. Рубежов золотую жилу нащупал, сотовая связь только развивалась. На третью позицию уже выходили! Между прочим, в Москве работали, на Рублевке чуть ли не первыми поселенцами были... Но конкуренция, нам и обломали рога.

– После Рублевки на Алтай? – искренне изумился Терехов. – Да вы герои!

И неожиданно подвиг на откровенность.

– Все дело случая, стихия. – скромно вымолвил солдат. – Особняки, машины ушли за долги. Едем однажды в метро, бездомные, голодные, как волки. Банки на нас охоту открыли, в окладе держат... Тут объявление – набор по контракту! В пограничные войска!... В общем, мы теперь наемники, солдаты удачи! Почти "дикие гуси". Вот уже на третий срок подписались. Главное, нас тут банки не достают. С Алтая, как с Дона, выдачи нет!...

И осекся, поняв, что наболтал чужому, незнакомому человеку слишком много. Потом спохватился, послал ракету в небо и попытался сделать собеседника своим.

– Слышал, вы тоже поносили зеленую фуражечку? И с нашим командиром заканчивали погранучилище?

Ему хотелось что-то расспросить про своего начальника заставы, но теперь удерживала излишняя осторожность.

– Было дело. – усмехнулся Терехов. – На курс старше учился. А погнало носил – Репей. Приставучий был, фамилии соответствовал...

Елкин на провокацию не поддался, сдержал любопытство относительно командира и запустил еще одну ракету. В ответ на его груди мерзким голосом забормотала рация. Андрей не понял ни единого слова, однако погранец выслушал и обронил:

– Это тебе не на дудочке играть. – и опять вспомнил про "принцессу Укока". – Как эту шаманку откопали и увезли, на Алтае веселая жизнь началась. Землетрясения, наводнения... Как наука считает, связано это с ней, или нет?

– Предрассудки. – односложно отозвался Терехов.

– Я тоже так считал... Пока у командира духи коня не угнали. Всей заставой искали. Такой же гнедой был, как у вас...

– Хочешь сказать, и моего духи взяли?

– Люди здесь чужих лошадей не трогают. Тем более, угнать коня с погранзаставы!.. Мы же всех тут раком поставим. Простите, на уши.

– На что духам лошади, если они бесплотные? – усмехнулся Андрей. – И летают по воздуху?

– Этот дух плотный. – уверенно заявил Елкин. – Командирского жеребчика вернули едва живого. Копыта в хлам, холка седлом сбита до мяса. Ребра торчат... Но самое главное, на лбу глубокая вмятина. Овальный след, и еще кровочит...

– Убить хотели?

– Нет. – солдат сделал многозначительную паузу. – Если бы убить... Рог отломали. Или сам отпал.

– Рогатый жеребец? – рассмеялся Терехов. – Забавный ты сказочник, рядовой Елкин!

– Его на племя в округ забрали. – не обиделся тот. – Можете сами посмотреть! На конной базе содержат, в Новосибе.

– Духи катались?

– Видел я этого духа. – вдруг признался солдат удачи. – Правда, издалека... Метра три ростом, если с шапкой.

Терехов внутренне вздрогнул, вспомнив пляшущую тень всадника.

– У страха глаза велики...

– Не один я видел, многие не раз наблюдали. – Елкин будто рассердился. – И в рапортах указывали. До сих пор видят... Но капитан приказал не писать больше, особенно срочникам. Будет расценено, как попытка закосить под дурку и уклониться от службы. Пока эту шаманку не трогали, никаких духов тут не было, и коней не угоняли. И алтайцы видят этого духа земли, требуют вернуть мумию на место. Тогда, мол, и успокоится. Они считают ее своей царицей или богиней.

Андрей встал со стульчика, помахал руками, поприседал, испытывая странное желание встряхнуться всем телом, как это делают собаки.

– Да бред все это! Я с академиками разговаривал... Курган скифский, и мумия уж никак на алтайку не похожа. Мне ее скульптурное изображение показывали. Русская женщина! Такой тип в каждой нашей деревне.

Солдат удачи глянул на часы, зарядил ракетницу и поднял ствол к небу.

– Мне тоже показывали. Только в натуре. Красивей женщин не видел. А я их повидал в Новосибире! Новосибир – город красавиц. Не обратили внимания?

И выстрелил. Ракета ушла вертикально вверх и не описала дуги, как другие – растаяла в лунном небе.

– Что ты мог разглядеть? Ночью все кошки серы...

– Почему ночью? Я и днем видел. На командирском коне проехала, метров сто от меня. Даже поводья не держит, конь сам несет...

– Сто метров!

То ли недоверчивый тон Терехова, то ли эти воспоминания почему-то начинали злить Елкина.

– Так я в бинокль смотрел! Тюрбан метровый на голове, а глаза завязаны...

– Зачем?

– Кто знает? Может, маска такая...

– Как же ты красоту рассмотрел?

– А красоту и маской не прикроешь. – нашелся рядовой. – Хотел ближе подойти!

– Почему же не подошел?

– Будто не знаете! – сердито вымолвил солдат удачи. – А потом в санчасть? С похмельным синдромом или белой горячкой? И прямым ходом на дембель! Мне служба дороже.

Терехов вспомнил Севу Кружилина.

– Погоди... То есть, по твоему выходит, кто с духом пообщается, у того похмелье?

– Ну да! С нашей заставы только за последний год двоих комиссовали. Проверками замордовали, командир воеет волком!... Представляете? На гражданке нормальному работы не найти, а тут со справкой из психушки и наркодиспанера! Теперь же все в базу забивают... Я на вашего напарника глянул и сразу понял – контактер.

– Хочешь сказать, Сева видел этого духа?

– Конечно! – самоуверенно заявил Елкин. – Не просто видел – вступил в контакт, что делать можно только шаманам. И то не всем... И Зырян с катушек съехал! Был нормальный пацан, бизнесом занимался...

– Какой Зырян? – спросил Терехов.

– Тот, которого вы на заставу привозили, костоправ или Вова Черный. Да вы у алтайцев спросите, они про духов все знают.

– Где их взять-то? – усмехнулся Терехов. – За все лето на Укоке ни одного туземца не видел!

У погранца был на все ответ:

– Боятся! Нынче летом дух активизировался. И знаете почему? У него появился молодой гнедой жеребец. Дух питается энергией коня... Командирского шаманка извездила в прах. Потом угнала коня из Кош-Агача. Там один мужик хотел турбизнесом заняться, конные прогулки на плато. В первом же туре потерял жеребца и голову. Увезли в Горный с известным диагнозом. А дух и эту лошадь укатал. Теперь на вашем единороге будет рассекать.

– Единороге?... У моего гнедого вроде не было рогов.

– Уже отрос. Днем не видно – ночью светится. И вы в этом убедились. Когда порванную веревку показали, я сразу понял: пытались заарканить единорога. Было же?

– Было. – осторожно признался Терехов. – Только кобылицу.

– Единорожицу.

– Разве единороги не бесполое?

Елкин заговорил хладнокровно.

– Вам еще трудно осмыслить, мешает предубеждение. Этого не может быть, думаете вы. Но это существует помимо нашего сознания. И это не плод вашего воображения. В бесполой мир духов верят только идиоты. Если у лошадей отрастают рога, пол сохраняется, как у оленей. Говорят, поймать единорогов невозможно – ерунда полная! Ловят! Вот и вы аркан набрасывали... А знаете, сколько стоит рог единорога на черном рынке?

– Их что, продают? – изумился Терехов.

– Продавали когда-то, по весу алмазов. – со знанием дела объяснил Елкин. – То есть, каратами взвешивали и цена, как у бриллиантов чистой воды. Потому почти всех истребили, еще в средние века.

Дураков в погранвойска по прежнему не брали, но законченных романтиков, как и в прежние годы, было достаточно.

– Наверное, из рогов украшения делают? – серьезно заметил Андрей почти не скрывая сарказма.

– Почему украшения? – тупо переспросил солдат удачи. – Это же мощнейшее противоядие. От любого яда! И стимулятор мужской силы. Раньше только цари употребляли. Ну и султаны, у кого гарем был. А что в Китае из этого рога делают!

– Что?...

– Эликсир полового бессмертия. Только императоры династии Цинь пили. И превращались в настоящих сексуальных драконов. Потому назывались Властелинами Неба. У них было по тысяче двести жен и наложниц. И все были довольны. Дракон, это же от слова драть. Вот императоры и драли... Рог обладает энергией Ци. Слыхали?

– Не слышал...

– Если сейчас добыть рог единорога, можно весь мир окучить и до самой смерти бамбук курить. Где-нибудь на Майями.

– И завести гарем?

– Почему?... Не обязательно. Нет, отпилить себе кусочек, остальное продать.

– Но сейчас ни императоров, ни царей. Кто купит?

– Как кто? Олигархи с руками оторвут! У них же денег навалом, секретарш, наложниц... Но не драконы они! Сейчас на рога спрос сумасшедший. Особенно в Китае. Предложений нет. Так что имейте ввиду. Если попадетсЯ единорог, его не арканить надо – стрелять в крестец. И сразу же пилить рог, пока живой. Или лучше вырубать с черепом и ушами.

– У живого?

– Только у живого. Иначе погаснет и испарится. Древний способ добычи.

– Зачем же с ушами?

– Для доказательства. Конское ухо всяко отличишь.

– А почему у одних коней рога отрастают, у других – нет? – насмешливо спросил Терехов. – Или это как у мужиков, когда они в командировках?

Увлеченный Елкин юмора не услышал.

– Отрастают у тех, кто проникает в параллельный мир. – серьезно пояснил он. – Ваши кони побывали в другой реальности. И вышли единорогами. Днем не видать – ночью светятся.

– Тогда у нас проблема! – посетовал Андрей. – Кони-то казенные, придется сдавать. А если с рогами не примут?

Елкин наконец-то уловил шуточный тон, но ничуть не обиделся и как-то не романтично ухмыльнулся.

– Когда дух дна земли заедит вашего жеребчика, рог сам по себе отпадет. – заявил он. – Это уже бывало. Мундусов найдет ходячие кости, завернутые в шкуру, и отпилит или отломит.

А нахвастает, мол, камлал, шаманил и отнял у духов. Сам рог заберет и своим продаст. У алтайцев они тоже ценятся, особенно у шаманов. Но цены совсем не те, как на китайском черном рынке. В основном, подделка встречается.

И добавил весомости своим словам салютом из ракетницы. Когда красная звезда догорела, коротко хрипнула рация.

– Понял, товарищ капитан! – довольно сказал Елкин. – Отбой! Спокойной ночи!

Терехов даже растерялся.

– Разве к нам не заедет?

– Нет, он в двенадцатом квадрате. Это далеко...

– Все-таки я не понял, зачем ракеты пулять...

– Чертей отпугивать! – засмеялся пограничник. – Нечистую силу. Духов, леших, единорогов. Лучше с ними не связываться. Мешков попробовал бизнес наладить. Рог он добыл настоящий... И продал перекупщикам, а те – в Саудовскую Аравию. В общем, духи Укока потом изловили и так его отделали! Жена едва выходила...

И примолк, напялив непривычную маску хитреца. В это время из синей лунной дали послышался стук, вроде бы копыт, причем, дробный, будто табун бежит.

– Легки на помине. – шепотом обронил Терехов. – Духи скачут?

Тезка перекинул автомат на грудь и заглушил выдвижную электростанцию. Прожектор погас, в тишине все звуки стали ярче, но лунного света не хватало, чтобы рассмотреть какое-либо движение. Теперь отчетливо слышался стук копыт идущего галопом, одинокого коня, причем звук наплывал прямо по курсу на кунг!

– Конь. – дрогнувшим голосом проговорил Елкин и зачем-то снял автомат с предохранителя.

– Стрелять не вздумай. – предупредил Терехов.

– Нет, это я так. – залепетал тезка. – Сила привычки... Что делать будем? Вдруг выбежит?...

– Ловить, – хмыкнул Андрей. – Если рогов нет...

Андрею показалось, по серой каменистой пустыни уже мелькают короткие тени – луна поднялась высоко...

– А если есть? – спросил Елкин. – Стрелять в крестец?

– Я тебе выстрелю! – пригрозил Терехов. – Стрелок...

– Андрей Саныч, удача на такой охоте раз выпадает...

– На какой охоте?

– Единорожей! Другого случая не будет...

Хотел еще что-то добавить, но в этот миг звук резко оборвался, будто лошадь встала на полном скаку. А так не бывает!...

– Все! Ушла в другое измерение. – серьезно заявил солдат удачи. – В параллельный мир. Вот всегда так...

Пожалуй минуту была мертвая тишина и полная неподвижность теней. Затем послышался одинокий чирикающий бег человека и шорох брезента.

– Вроде, Рубежов. – разочарованно промолвил Елкин и опустил ствол автомата. – Я его бег по звуку узнаю, у него ноги короткие, семенит.

И впрямь скоро заплясала сначала тень бегущего человека, потом и он сам обозначился зеленой фигурой со сверкающим примкнутым штык-ножом. Сержант перешел на шаг и нетерпеливо спросил:

– Ну? Где?!... Лошадь где?

– Не было лошади! – откликнулся Елкин.

– Как – не было? На вас гнал!

– Топот слышали...

Рубежов как-то странно озирался, словно погони опасался, и при это хватался за сердце и отпыхивался.

– Видел, как вас!... Серая в яблоках!... Двести метров от кунга! Сахару дал. Вы тут базарите – она стоит, слушает... Погнал – шагом шла, в зад пихал.

– Каким шагом? – возмутился Елкин. – Галопом скакала, мы же слышали! Потом раз, и пропала.

Расстроенный сержант мрачно выругался, сдернул из-за спины автомат, поискал место, куда поставить и вдруг воткнул штык-ножом в землю.

– Все, надо переводиться с этой долбанной заставы! Или вообще на дембель, досрочно. Завтра же рапорт напишу!

– Это тебе не на дудочке играть. – ехидно заметил рядовой Елкин.

– Да пошел бы ты! – опять ругнулся сержант и повалился на стульчик. – Все, я заслужился. Ведь в прошлом году еще хотел!... Если бы не ты, Елкин-палкин, я бы уже на гражданке был. Все ты! Давай еще на один срок! Дикий гусь... Увезут в психушку и с волчьим билетом выпустят!

– Ты не переживай так, Алик. – ласково заговорил Елкин. – К этому надо привыкнуть, смириться. Существуют вещи, которые мы не можем понять и объяснить...

Тот взорвался:

– Какого хрена?!... Вот так видел! Сахар давал, по холке гладил! Куда делась?!... Все, ты как хочешь, я на дембель. Плевать на выходное пособие, на банки...

– И рог был? – серьезно спросил Елкин.

– В том-то и дело! – чуть ли не со слезами выкрикнул сержант. – В руках держал, щупал!... Самый настоящий рог. И светится еще! Белый такой...

– Тебе парень, и впрямь отдохнуть надо. – сдержанно заметил Терехов. – Где-нибудь в санатории.

– Не верите? Своими глазами!... Глюки, что ли?

– Хуже...

– Нет, я понимаю, обман зрения! Лунный свет! Черти чуются... Но так реально!

Елкин суетился возле, готов был по голове погладить, как плачущего ребенка.

– Успокойся, утро вечера мудренее. С этим надо переспать... Иди, ложись до утра, а я в дозор.

– Я с этим не один раз спал – не помогает! – обреченно заявил Рубежов. – Не уговаривай. Все решено! Когда-нибудь все равно пришлось бы решать... Но вот скажи мне: куда она делась?!

– В другой мир ушла, в параллельный с нашим. – терпеливо и смиренно определил Елкин.

– Ага! Пришла, погуляла в нашем и дернула! – огрызнулся сержант. – Андрюха, давай вместе рапорта подадим? Пока ты окончательно в другой мир не свалил?

– Мне здесь нравится...

– Как хочешь! Потом спохватишься... Помнишь, что Тимоха говорил? Каков начальник, такова и застава! Здесь все помешанные, Андрюха! Начиная с Лунохода! И кончая Мундусовым. Теперь и я тоже?...

– Луноход, это Репьев? – уточнил Терехов.

– А кто еще? Всю ночь будет рыскать!... Вы наверное слушаете нас и думаете: разговор двух придурков. Верно?

– Пытаюсь понять, что здесь происходит.

– Я вам скажу! Вы попали на заставу сумасшедших! И товарищ капитан Репьев – первый. И пока вы рассудка здесь не потеряли, намекните по дружески, пусть головку полечит.

– Так нельзя, Алька! – обрезал его Елкин. – Замолчи!

– Мне теперь пофиг! Теперь ты иди и паси своих единорогов!

– И пойду! Сегодня ночка подходящая...

Он заскочил в кунг и там, опоясав себя ремнем с подсумками, закинул автомат за плечо и как-то быстро скрылся в лунной мгле, словно ступил за некий занавес. Рубежов запустил электростанцию и закурил.

– Про духов вам уши притирал? – спросил со злой насмешливостью. – Про рогатых коней? На которых шаманка катается? Трехметровая!

– Мы тут всякие темы обсуждали. – уклонился Терехов. – Про шаманку тоже...

– Елкин большой мастер! Наводит мистический ужас. Не слушайте его, с ума сведет.

От его бредней уже и мне мерещится...

Андрей вспомнил свою неудачную охоту на лошадей и перерезанный аркан.

– Нет, Андрюха всегда с головой дружил. – Рубежов вроде бы приходил в себя. – Это здесь, под воздействием всеобщего психоза, слегка свихнулся. И мне все время талдычит, ищет, змей... Добыть рог единорога! Озолотится можно... А их в природе быть не должно! Сказки!

– А Мешкову повезло. – серьезно отпарировал Терехов. – Добыл и саудитам продал.

– Вы Мешкова знаете?

– Не знаю, но говорят...

– Елкин нагородил!... Ну где бы Мешков настоящий рог взял? От козерога рог втюхал, вот ему и переломали кости!...

– Кто переломал? Духи?

– Какие духи?! Мужики, которым втюхал...

– Но ведь кто-то ездит на угнанных гнедых жеребцах?

Рубежов прятал насмешливый тон, и делал это неумело.

– Верно, угоняет и катается. Даже имя у этого духа есть – Ланда.

Перед глазами у Терехова встал, замерзающий, покрытый инеем, турист, бормочущий это имя.

– Про Ланду тоже слышал...

– Кто тут про нее не слышал?... Можно сказать, местная достопримечательность. Вторая после принцессы Укока. Но с претензией на первую! Алтайцы ее кара мегиртке зовут, уважительно так, боятся...

– А что это значит?

– Хрен знает, не говорят. А мы Маргариткой прозвали. Навертит себе метровую прическу, нарядится под шаманку и катается. Иногда днем в маске, но голая скачет, в одной своей шапке. В общем, та еще Маргаритка. Дух изображает, сводит мужиков с ума. Представляет, ты ночью, в наряде среди гор, а на тебя голая девица скачет. На единороге!...

– И командира тоже она свела с ума?

– Лунохода?... Так это же его бывшая подруга!

– Подруга Репьева? – изумился Терехов. – Она же, вроде, с туристами сбежала...

– Вторая сбежала. А Ланда на Укоке осталась. Капитан привез ее, когда археологи тот самый курган рыли. Звал ее ландышем...

– Откуда привез?

Рубежов помялся.

– Точно не знаю, где отыскал этот цветок, но вроде на каком-то вернисаже. Она художница, тогда лет двадцать было... Да вон в кунге ее рисунки лежат!

– Это ее рисунки? С уродами?

– А чьи?... Когда-то весь этот кунг в картинах был. Луноход трепетал перед ней, на раскопки к ученым отправлял, стрелять учил, верхом ездить. Почти год возился, жениться хотел...

– И что?...

– Это же застава! Двадцать пять голодных мужиков, и все, как на подбор... У девчонки крышу и снесло, вообразила себя принцессой. И так была с тараканами, художники, они все немного вольтанутые. Объявила, в нее вселился дух откопанной шаманки! Так просто вселился и живет... Угнала командирского коня и стала кататься, дурью маяться. Сначала только в волчьих ночи гоняла вдоль границы, наряды пугала. Потом все лето чуть ли не каждую ночь...

Терехов воспользовался паузой.

– погоди, но где она живет? Это ведь надо где-то спать, что-то есть...

– Логово есть у Маргаритки, укромное лежбище где-то в горах, говорят, в жерле уснувшего вулкана. Там тепло. Милиция однажды все лето искала, нас привлекали... Даже следов не нашли. И вулканов тут поблизости нету. Есть только заброшенный командный пункт, который Мешков выкупил. У меня подозрение, там она и живет.

– А сейчас-то ищут?

– В том-то и дело! Луноход странный человек, наверное, еще не успокоился. То искать заставляет, то запрещает... Вот этот кунг он целый год возил по плато и ставил, как ловушку для своего ландыша. Говорят, тут даже какие-то космические датчики вмонтированы. Не поймалась! Или не дура, или... У нас вообще есть подозрение, вся это история чей-то хитроумный проект. Из сферы турбизнеса, чтоб с лохов бабки стричь. Места силы показывать, ерунда. А вот скачущий дух принцессы Укока! Да еще на единороге!.. И командир на нем завязан! Сюда иногда такие денежные мешки приезжают! Кто занят в этом бизнесе, все Луноходу отслюнивают. А на что бы он строил дом на берегу Черного моря?

– А как же похмельный синдром? – вспомнил Терехов. – Водкой поят? Мухоморами угощают?

В версию Рубежова этот диагноз никак не укладывался, не знал, чем ответить.

– Кому надо, пусть разбираются. – потерял интерес. – Мне теперь все равно... Выключу эту трещетку! Тишины хочется.

Он заглушил станцию, выдернул автомат из земли, машинально обтер штык и стал подниматься по откидным ступеням кунга.

– Может, и дает пить какой-нибудь заразы. – предположил негромким полусшепотом. – Откуда-то похмелье берется? Ведьма же. Рыщет, поди, сегодня... Как вы думаете, могла она пластмассовый рог привязать серой лошади? С подсветкой? На батарее? И выпустить?

– А зачем? – спросил Андрей.

– Чтоб таких лохов, как мы, с ума сводить!

– Могла, наверное...

Тишина и впрямь обволакивала, луна вошла в зенит и раскалившись до бела, сделала мир неподвижным и безмолвным. Но только на короткое мгновение: сержант уже открыл дверь, когда совсем близко запел волчий хор. Причем, сразу на несколько слаженных голосов, отчего вой напоминал застольное пение подгулявшей компании. Рубежов резко обернулся и замер, держась за ручку двери – то ли заслушался, то ли оцепенел от внутреннего, продирающего ознобом, страха. По крайней мере, Терехов его испытывал, но в следующий миг они оба вздрогнули, ибо волки разом умолкли, и в этом подлунном пространстве закричал человек...

7

Паспортист на встречу опаздывал, о чем известил по телефону, однако это теперь насто-
раживало: общий контекст жизни к вечеру проходил под манией преследования и тотальной
подозрительности. Он неожиданно подумал, что вращаясь по кругам добычи документов для
Алефтины, совершенно забыл о собственных делах. Так можно было легко самому угодить в
розыск, причем, в уголовный: бывшая жена, не получив алименты за следующий месяц, начнет
искать встречи, обнаружит, что Терехов пропал и запросто объявит уклонистом. Поставит на
уши Газпром, милицию, и хоть на Таймыре вряд ли его скоро достанут, но искать будут, и тут
надо каким-то образом обезопасить свое будущее местопребывание, отвести от него внимание
всех, кто рано или поздно задаст вопрос:

– Куда подевался Терехов?

Особенно по истечении отпускного месяца и присовокупленного к нему, больничного.
Прежде всего хватятся на работе: несмотря на все заслуги, начальство самовольного исчез-
новения терпеть не станет – капитализм, штука суровая. Лучше заранее оставить заявление,
чтоб уволили сразу же, как закончится отпуск. А чтоб Светка не подняла шум, сделать заявку
в банке и ежемесячно отчислять какую-то сумму. Алименты окажутся совсем не большими,
денег оставалось мало, но у нее не будет формальной причины заявлять его розыск. Конечно
же надо предупредить и кое-что приоткрыть Мишке Рыбину, чтобы в случае чего подстрахо-
вал. Ему в первую очередь зададут вопрос, зная их отношения. У Терехова он был единствен-
ным близким другом, и еще с тех времен, когда учились в топографическом. Но встречались
они редко, поскольку Мишка тоже не вылезал из экспедиций, как назло находился сейчас где-
то в зоне неустойчивой связи, на звонки не отвечал или не было слышимости, и они алекали,
как два глухаря на току, которые поют и не слышал друг друга. Или был где-то в поле, или
по своему тупому отношению к технике и привязанности к вещам, носил в кармане допотоп-
ный телефон. В любом случае Андрей надеялся его вызвонить, часто набирал номер и ждал,
когда Рыбин выплывет в зону стабильного приема и сам его наберет, увидев тучу не отвечен-
ных вызовов. Он уже делал такие попытки, и даже что-то прокричать, продиктовать хотел, но
доносилось, как из пустого колодца – бу-бу-бу.

К месту встречи с паспортистом Терехов подъезжать не решился, как положено, оставил
машину в переулках и теперь болтался на смежной улице, держа под наблюдением кафе, возле
которого договаривались передать фотографии и свидетельство о браке. Занятый мыслями
о прикрытии тылов, он не высматривал филеров и даже на какое-то время о них забыл. И
вспомнил, когда кто-то незаметно подобрался сзади и чуть ли не в затылок дыхнул:

– А ты не прост, клиент, как показалось...

За спиной очутился паспортист, выглядевший так, будто вышел из ближнего дома за
пивом: поношенный спортивный костюмчик и расстегнутые летние туфли на ногах.

– Это правильно, что не торчишь у кафешки. – одобрил он. – Там камер навешали. Сни-
мут пусть и автоматически, но нам это надо?

Иметь дело с профессионалом было приятно, однако Терехов передал бумаги и щелкнул
его на камеру телефона.

– На память. – тут же безвинно объяснил он. – И с благодарностью.

Такая перестраховка ему не понравилась, но паспортист ничего не сказал, лишь усмех-
нулся и глянул на фотографии.

– А что? Красивая женщина. На такой можно и в самом деле жениться.

– Вот я и женился. – проронил Андрей.

Паспортист достал из пакета свидетельство, придирчиво его осмотрел, сверил какие-то
тайные знаки на бланке и не скрывая удивления, произнес:

– Смотри-ка, натуральное!... Что и требовалось. Я же тебе делаю не левый паспорт, а чистый. Пошли со мной!

Встречу он назначил продуманно: рядом оказался офис, где делали ксерокопии. Паспортист тут же попросил скопировать документы и неожиданно вернул три фотографии из шести и свидетельство о браке.

– Это тебе, невесте покажешь. Здорово я тебя женил? – засмеялся и махнул рукой. – Утром созвонимся.

Походкой довольного, гуляющего пенсионера он перешел улицу и сел в новенькую черную "тойоту", которая тоже попала в объектив. Сомнений в его надежности у Терехова не возникло, все вроде бы шло гладко и даже с опережением графика, но общий маниакальный фон ничуть не убавился. Он мысленно исключил из списка дел еще один пункт и тут же пополнил его новым, исполнять который в срочном порядке отправился в родной офис Газпрома.

Непосредственный шеф, начальник изыскательского департамента Максим Куренков выслушал его просьбу о последующем, после отпуска, увольнении и сначала никак не выразил своего возмущения.

– Мы с тобой уже договорились. – ковыряя папки с бумагами, тускло проговорил он. – Что за новости?

Еще лет восемь назад они вместе бегали по Ямалу с теодолитами и считались приятелями. Сразу после развода Терехов некоторое время жил у него на даче, где они по вечерам топили камин и много говорили о жизни, любви и супружестве. Куренков был принципиальным холостяком, писал стихи и возле него всегда кружились женщины поэтического склада. Они даже устроили однажды вечер поэзии, на котором грустные девицы читали свои вирши заунывными голосами, за что получали от Куренкова втык. Он терпеть не мог подражательства, обвинял их в идейном плагиате, перечисляя фамилии поэтов, у которых они воруют. Девицы не обижались, все равно смотрели на него восторженно, однако тайно и восхищенно – на хмурого и не романтического разведенца Терехова. Это не укрылось от глаз Куренкова, и у них случилась первая размолвка и отчуждение. Потом Максим начал быстрый карьерный рост, позволяло высшее образование, и уже на тонком уровне, как говорят шизотерики, ощутилась барьерная начальственная стенка.

– Рекомендовали врачи. – прошептал Андрей, экономно расходуя возможности голоса. – Полевые работы противопоказаны. Холод, простуда...

– Ты назначен начальником участка. Какие полевые?.. Отдыхай, лечись и выходи.

– Жена против. – почти мгновенно сочинил он.

– Какая жена? – шеф наконец-то оторвался от бумаг: их еще связывала холостяцкая жизнь – единственное, что осталось общего.

– Молодая.

– Двадцать копеек! – это была оценка удачного юмора, бытовавшая еще в восьмидесятые годы, когда они были школьниками.

– Я женился. – признался Терехов и с удовольствием положил перед ним свидетельство о браке.

Куренков разглядывал документ, как недавно паспортист.

– С ума сошел?

– От любви. – Андрей вспомнил их вечера у камина. – Седина в бороду...

– Какая, к дьяволу, любовь? – начал было поэт, но оборвал мысль. – Все, и слушать не хочу! Мы с тобой договорились, по-мужски!

– Но появилась ночная кукушка...

– Давай ее сюда! Я научу куковать!

Когда-то у камина они сошлись на том, что коня, ружье и жену нельзя доверять никому: у Максима был неудачный студенческий брак, лучший друг сначала опекал, а потом увел молодую супругу.

– Поймай свою и учи. – огрызнулся Терехов. – Вот заявление.

– Андрей Александрович, да ты просто неблагодарный человек. – звенящим голосом проговорил шеф. – Я к тебе навстречу!... Новую должность, повышение зарплаты. Я потерянных коней простил!

– И упер два джипа.

Куренков заткнулся, набычился, однако через несколько секунд будто стер с лица обиду – умел это делать, потому за несколько лет стал крупным начальником, управлял всеми изыскательскими работами в регионе.

– Куда пойдешь? – насмешливо спросил он. – С молодой-то женой? На стройку? В коммунальщики, на копеечную зарплату? Участки под мусорные свалки нарезать?

Врезать ему хотелось так, чтобы уже не встал. Подмывало вернуть каким-либо образом ЮНЕСКО, однако это было бы слишком. Куренков любил, когда ему доверяли тайны и умел их выпытывать, поэтому знал многое о многих в Газпроме, чем вполне успешно манипулировал.

– Пока это секрет. – уклонился Терехов. – Позже узнаешь.

– Мне-то можешь сказать? Не чужие...

– В вооруженные силы. – на ходу сочинил он. – В структуру погранслужбы.

Шеф хорошо знал историю своего подчиненного, не раз обсуждали у камина, поэтому поверил сразу, только усомнился в перспективе.

– В сорок лейтенантские погоны?

– Майорские. – подправил его Андрей. – На полковничью должность.

– Да ладно! И на какую? Ты же топограф! Бегал с рейкой...

– Вот такой специалист и потребовался.

– В погранслужбе?

– Что такое демаркация границ, знаешь? – ухмыльнулся Терехов.

Куренков конечно же знал, потому как-то сразу обьял.

– А я думаю, что ты с погранцами задружил?... Ладно, если что, какие-то вопросы порешать, не откажешь?

Шеф отличался потрясающей всеядностью, и не взирая на тонкие поэтические вкусы, мог есть рыбу с мясом и запивать сладким чаем. И тут уже высматривал, чем бы поживиться.

– Я уеду из Новосиба. – признался Андрей. – В другой регион.

– Куда?

– Это секретная информация.

Максим понимающе покивал, занятый уже другими мыслями, подписал и убрал заявление в отдельную папку.

– Слушай... – вдруг помялся он. – А невесту ты на Алтае нашел?

– На Алтае. – сдержанно произнес Терехов и встал.

– Красивая?

Предъявлять ему фотографию не следовало бы, не заслужил, но сыграло мужское самолюбие и смутное, скрытное, распирающее желание показать Алефтину, как жадные, скопидомные ювелиры показывают уникальный бриллиант – чтобы только похвастать, какой драгоценностью владеют. Показать, может быть, даже себе во вред...

Знарок поэзии и женской красоты, пожалуй, минуту вглядывался в снимок и с сожалением вернул.

– А там еще есть такие, Андрей? – с тоской спросил старый холостяк.

– Нету. – мгновенно отозвался тот и ощутил, как завибрировал в кармане телефон. – Бывай здоров!

Еще в кабинете он подумал, что звонит Мишка Рыбин, однако когда в коридоре глянул на дисплей, изумился сильнее, нежели бы и впрямь сейчас объявился старый друг. И завибрировал сам, не зная, отвечать или пропустить звонок: Сева Кружилин должен был сидеть за решеткой и без связи с внешним миром. А он в это время названивал, причем, со своего старого телефона, которым пользовался когда был в Новосибирске. Конечно, за деньги сейчас можно все, и даже находясь в изоляции, но общение с напарником никак не входило в напряженные планы Терехова, да и откровенно сказать, разговаривать с ним не было никакого желания. Почему-то сразу подумалось, что Сева начнет просить, умолять его помочь вырваться из заточения, и в любом случае придется отказывать, потому как сам погряз в полупреступных делах с добычей документов и прячет у себя в квартире женщину, объявленную в розыск, что уже является чистым криминалом. Любое отвлечение от этой темы и всяческие хлопоты за напарника – лишние милицейские заморочки и опасность навести органы на свою невесту, то есть, теперь молодую жену.

Первый звонок он пропустил, но когда оказался на первом этаже офиса, Сева позвонил еще, причем так назойливо, что вызвал уже раздражение. Можно было выключить телефон, однако Андрей ждал звонка Мишки Рыбина, который по закону подлости мог именно в этот момент позвонить. Он со своей рыжей юности, а может с лет еще более ранних, не имел даже зачатков интуитивного мышления, предчувствия, способности предугадывать события, поэтому все время жил невпопад, повинувшись какой-то своей личной внутренней стихии, чем был дорог и не повторим. Андрей пропустил и второй звонок, но когда вышел из офиса, внезапно увидел напарника, который в ожидании медленно расхаживал на стоянке возле его машины. Тощую, нескладную фигуру Севы можно было узнать за версту, тем паче, когда он в движении: Кружилин ходил как курица или голубь, все время кивая головой вперед.

Терехов сначала затаился у дверей, но оказавшись на открытом месте, переместился к углу здания и там встал за клумбу с высокими осенними цветами, с надеждой, что напарник устанет ждать и все же отойдет от машины или поднимется в офис. И тогда можно короткой перебежкой переместиться на стоянку, прыгнуть за руль и смыться. Но пока он высчитывал череду действий, Сева протер носовым платочком нержавеющие трубы кенгурятника у машины, подтянул штаны и сел, достав телефон из кармана. В городе великовозрастный математик рядился под подростка, носил джинсы, мотня которых болталась между колен, ходил с наушниками, слушал рок и блуждал отсутствующим взглядом. Может, хотел отгородиться от действительности, может, показывал свою продвинутость среди равных себе по возрасту, сверстников и намеревался укротить стремительно бегущие годы.

На третий звонок Терехов так же не ответил, вдруг вспомнив навязчивые слова Репья, что соглядатая могут выбрать из таких вот, как Сева, подкупить обещанием свободы и подпустить. Это будет самый опасный вариант, поскольку ничего не подозревающий лох, а его явно держат за лоха, и это подтвердил паспортист, доверительно поделится всеми своими проблемами. И тогда бери его тепленьким, вместе с принявшей обет безбрачия, невестой, которая сидит в ванной комнате и не подозревает, что уже вышла замуж и носит другую фамилию.

Математик, должно быть, устал слушать сигналы в трубке, резко вскочил, дернулся было к офису, но чистюля, не забыв стряхнуть неведомую пыль со штанов. Андрей уже встал на исходную позицию, чтобы в свою очередь метнуться к машине, однако напарник замедлил прыть, осел на бампер и отвернулся. Мгновением позже Терехов заметил, как из дверей вышел Куренков, встречаться с которым, видимо, Севе не хотелось. Случалось, они даже враждовали, поскольку Кружилин всюду совал свой нос, бегущий впереди не только тела, но и разума, и шеф грозился того уволить. Это напарник заглянул в документы и обнаружил, что ЮНЕСКО специально прислало два джипа и прочее оборудование, и это он узнал, какие деньги отпущены на программу перерегистрации памятников в "зоне покоя" Укока.

Спрятаться Кружилину не удалось, глазастый Куренков его заметил, однако подошел и поздоровался совершенно по дружески, даже приобнял. И они о чем-то живо и весело заговорили, не исключено, про Терехова, потому как оба сначала кивали на машину. Потом отошли в сторону и стали беседовать, прогуливаясь по дорожке, причем, говорил больше Сева, а шеф участливо слушал. Исподтишка наблюдать за такой невероятной картиной было интересно, ибо еще недавно Куренков злорадствовал, что его слишком любопытный и всевидящий подчиненный содержится за решеткой, а тут такие душевные отношения. Их разговор затягивался, и хотя спешить уже было некуда, план мероприятий за день и так перевыполнен, однако Андрей начинал нервничать. И вдруг догадался о причине столь добродушного отношения шефа: он же пытается сейчас заткнуть Севой дыру, которая образовалась на Алтае из-за увольнения Терехова! Что-то, а убалтывать Куренков умеет, вот и повис на вчерашнем недруге, как репей. К тому же ролями они поменялись, теперь больше говорил шеф, Кружилин слушал и время от времени отрицательно мотал головой, вроде не соглашался.

В самый неподходящий момент позвонил Мишка Рыбин, причем, сразу же закричал в трубку, от счастья осыпая его бранью.

– Эй ты, мерзавец мелкий и ничтожный! Ты что, мать твою, приехал в Новосиб и молчишь?

Отвечать ему тем же было невозможно, не было голоса, да и тем, что был – тоже, до беседующей парочки на стоянке всего каких-то пятнадцать шагов, а между ними редкие стебли цветов и на улице тишина. Пригибаясь, Терехов ушел за угол и уже оттуда под прикрытием складских помещений. Еще на ходу он пытался шепотом объяснить, что громко говорить не может, но из восторженного Рыбина изливался лавовый поток слов, который следовало переждать, как стихию. Наконец, он уgomонился, и Андрею удалось достучаться до Мишкиного сознания.

– А что с тобой? – опешил тот. – Простыл, что ли? Или говорить не можешь?

– Простыл. – соврал Терехов. – Не ори и слушай внимательно. Ты где?

– Как где? На рыбалке, на Оби! Залез на гору, тут связь есть.

Несмотря на свою фамилию, рыбалку сначала он терпеть не мог, но постепенно пристрастился, ибо это была единственная возможность избавиться от присутствия своей жены на то время, пока он находился дома. В экспедициях Мишка удочки в руки брал редко, зато держал в квартире несколько баулов, мешков и коробок с принадлежностями, неистово демонстрируя их перед супругой. И даже выучил специальный лексикон, частенько вворачивая рыбацкие слова совсем ни к месту.

– Надо срочно встретиться. – сообщил Терехов без всяких прелюдий. – Сегодня же. Ты далеко?

– В Белоярке! Я тут избенку прикупил, тайно от Нинки. Приезжай, ставлю уху варить! Выпьем, песен попоем! Мог бы сразу позвонить, как с Алтая приехал! А ты явился и молчок!...

И опять излил замысловатую вязь восхищенных ругательств. Андрей стоически его выслушал и не сдержался.

– Ты тупой отморозок, Рыжий. – прошептал, насыщаясь его энергией радости. – Хрен ты моржовый, погляди в непринятых звонках! Я тебя сорок раз набирал!

– Не пойму, что ты шепчешь! – в ответ прокричал Рыбин. – А я что звоню-то? Во сне тебя видел! Будто ты женился! Ха-ха-ха!... На страшной тетке!

На пятом десятке жизни у Мишки, кажется, начался сдвиг в области тонких предчувствий. Пока еще на уровне сновидений. Терехову хотелось прокричать об этом, и еще хотелось сейчас, немедля же, взять с собой Алефтину и повезти ее в Белоярку, чтобы у Рыжего вылупились наконец-то раскосые татарские глаза. Но все эти желания почти истребили остатки взволнованного голоса.

– Жди, приеду. – прошептал Терехов уже на ходу, возвращаясь к клумбе.

На первом курсе топографического это был огненно-рыжий, веснушчатый и краснокожий сельский паренек с восторженным взором романтика. Когда же они встретились спустя несколько лет, после армии – Терехов уже носил курсантские погоны, Рыбин стал сивым, жар красной бороды и чуб обильно присыпались пеплом. Сначала ранняя седина его красила, вызывая притяжение женских глаз и невероятную ревность жены, которая повинувшись этому всеохватному чувству, работала сначала речницей у него, а потом заочно закончила вуз, стала ездить с ним в экспедиции и в результате стала Мишкиным начальником. Но потом Рыбин стремительно начала угасать, словно костер без дров. Веснушки стерлись, начисто отстиралась кожа, и к сорока годам он превратился в белого, безвозрастного старца, сохранив лишь вечно восхищенный, влюбленный и пылающий взор. Женился он рано, еще до армии, по пылкой юношеской любви. Они с Ниной родили единственного сына, которого мать из страстной привязанности к мужу назвала Михаилом и отдала учиться в мединститут, дабы тот разгадал загадку столь раннего старения родителя. Мишка Маленький получился полной копией Большого, однако родительницы не послушал и теперь учился в ординатуре, постигая тайны реаниматологии.

Когда Терехов вернулся за цветочную клумбу перед офисом, Куренкова на стоянке не было, впрочем, как и его казенного джипа с нестираемым логотипом ЮНЕСКО. Зато несгибаемый Сева маршировал возле машины Андрея, по-куринному клевал носом и уходить не собирался. Если бы не долгожданный звонок Рыбина, Терехов бы плюнул и уехал на такси, но тут ничего не оставалось, как идти и отнимать у него собственный автотранспорт.

Кружилин так увлекся неуклюжим печатанием строевого шага – мешала обвислая мотня штанов, что не заметил Андрея и в первый миг испуганно отшатнулся. Это позволило открыть дверцу и прыгнуть за руль. Сева запоздало схватился за ручку, но Терехов заблокировался изнутри и сразу запустил мотор.

– Я знаю, ты ее привез! – прокричал он и застучал в стекло. – И мне надо ее увидеть!

Похмельный синдром, кажется, превращался у него в патологический, горящие глаза блистали, на запекшихся губах тянулась липкая слюна – страдал от жажды.

– Обойдешься! – огрызнулся Терехов и включил передачу.

Напарник повис на ручке.

– Андрей! Прошу пять минут!... Ну, три! Мне надо ей что-то сказать! Я знаю, как можно ее вылечить!

– Сам лечись, идиот! – Андрей дал газу – Сева побежал, как на привязи.

И скоро оторвался, упал на асфальт, запутавшись в модно обвисших джинсах. Терехов притормозил, приспустил стекло – напарник вроде бы поднимался на ноги. Можно было ехать, и тут по ушам резанул его полубезумный голос:

– Все равно!... Я все равно отниму!... Или никому не достанется!...

8

Человеческий дурной ор в полнолуние, да еще в пустынном, каменистом пространстве, вызывал цепенящее чувство сильнее, чем звериные голоса. А эхо, отражаясь от ближних белых гор, колотило по ушам и будоражило воображение: то ли человек передразнивает волков, подражая им, то ли воет от страха или даже напротив, учит вкладывать в звучание глубокие внутренние переживания. Потому что когда он умолкал, то звери словно пытались воспроизвести то, что нес человеческий крик. Но очищенное от страсти, охлажденное снежными вершинами, эхо путало, перемешивало краски голосов, до слуха доносился лишь их леденящий гул. Потом вообще все голоса слились, и который волчий, который человеческий было не отделить.

– Луноход! – вдруг догадался и чему-то обрадовался Рубежов. – Это он!

– Зачем? – как-то нелепо спросил Терехов, стряхивая озноб. – Какой смысл?

– Приедет – спросите... Но это он! Кто еще отважится болтаться ночью? И зверем выть?

– Раньше слышал?

– Нет... Мужики говорили. Правда, давно, года четыре назад. Будто воет в полнолуние.

– Неужели забыть не может?

Сержант вслух говорить не захотел, но повертел пальцем у виска.

– У меня отбой. И вам предлагаю не сходить с ума. В волчью ночь вся застава на ногах, а я усну! Пусть воют!...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.